Академия наук СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

Международный комитет славистов
СЛАВЯНСКАЯ БИБЛЕЙСКАЯ КОМИССИЯ

ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ

Сборник статей

Москва
1990

Ответственный редактор - доктор филологических наук А.А.Алексеев

Сборник включает научные статьи, посвященные различным аспектам изучения Острожской Библии - выдающегося памятника духовной культуры восточных славян, изданной русским первопечатником Иваном Федоровым в 1580-1581 годах. Исследуются исторические условия создания памятника, определяется его место в славянской рукописной и старопечатной библейской традиции. Статьи сборника раскрывают определяющее значение Острожской Библии в литературном и языковой процессе у восточнославянских народов в конце XVI - XVII веке.

Я.Д.ИСАЕВИЧ

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ

Острожская Библия (ОБ) - самый выдающийся памятник начального периода книгопечатания восточнославянских народов. Она - подлинный шедевр первопечатника Ивана Федорова, свидетельство высокого профессионального мастерства как самого Федорова, так и его сотрудников и помощников.

Издатель Библии князь К.К.Острожский и московский диакон Иван Федоров, руководивший ее печатанием, опирались на отечественные культурные традиции, использовали и опыт европейского книгопечатания. Напомним, что знаменитая сорокадвухстрочная Библия явилась главной и самой совершенной работой изобретателя книгопечатания Иоганна Гутенберга (Варбанец 1980; Кэстнер 1987). Появление у народов Европы печатных Библий в последующие десятилетия было связано с именами выдающихся деятелей культуры и самых талантливых мастеров книжного дела (Мыльников 1985: 23-34; Владимиров 1985: 3-48; Горфункель 1985: 66-76).

В восточнославянском мире Константин Острожский и Иван Федоров объективно явились достойными продолжателями дела, начатого белорусским просветителем-гуманистом Франциском Скориной. Культурная жизнь Белоруссии и Украины на протяжении XVI в. представляла во многих отношениях единый процесс. Однако есть определенная закономерность в том, что первая у восточных славян печатная Библия была издана в начале XVI в. ученым белорусом, а полная Библия вышла 60 лет спустя на Украине и имела в своей основе текст из России. Выход "Вивлии руской" связан с активизацией белорусских центров в культурной жизни региона, подготовка ОБ - с оживлением общественно-политической и культурной жизни Украины и активизации ее связей с Россией во второй половине XVI века.

Издание ОБ исторически послужило целям идеологической консолидации общественных группировок, выступавших против национально-религиозного угнетения, в первую очередь против католической экспансии. Православным библейские тексты, в частности, были нужны для полемики со сторонниками реформации и католицизма, для подготовки

квалифицированных учителей, церковных и общественных деятелей, литераторов. Сам факт наличия своей печатной Библии служил укреплению национального самосознания восточнославянских и южнославянских народов, способствовал подъему и авторитету их национальных культур.

Только такому влиятельному и богатому издателю, как крупнейший западнорусский магнат князь Василий-Константин Острожский, и только такому высококвалифицированному книгопечатнику, как "друкарь книг пред тым невиданных" Иван Федоров, оказалось под силу исключительно сложная и ответственная задача - издать полную славянскую Библию на уровне лучших образцов книгопечатания своего времени. План опубликования Библии князь Острожский вынашивал давно: по его просьбе еще в 1571 или 1573 г. писарь великого княжества Литовского Михаил Гарабурда привез из Москвы копию Геннадиевской Библии (ГБ) от царя Ивана IV. К тому времени Иван Федоров накопил большой опыт издания книг кирилловского шрифта на церковнославянском языке. Вместе с Петром Мстиславцем он создал первые на Руси точно датированные печатные книги (московские Апостол 1564 г. и Часовники 1565 г.), издал в Заблудове первую публикацию церковнославянского перевода памятника византийской литературы (Учительное Евангелие 1569 г.) (Немировский 1985 а. Библиографию литературы об Иване Федорове см.: Немировский 1975 - указатель; "Первопечатник Иван Федоров" 1983. Архивные материалы об Иване Федорове: "Першодрукар Іван Федоров" 1975). Уже самостоятельно, поскольку Мстиславец уехал в Вильно, Иван Федоров издал во Львове Апостол и Букварь 1574 года. Во Львове Федоров впервые стал самостоятельным издателем, получив помощь от "неславных в мире" - ремесленников и торговцев, представителей низшего духовенства (подробнее см.: Немировский 1974; Ісаєвич 1983).

Значительные средства, вложенные Иваном Федоровым в собственное издательское предприятие, в условиях того времени окупались сравнительно медленно. Поэтому, не оставляя намерения возвратиться впоследствии к самостоятельной издательской деятельности, Иван Федоров не позже первых месяцев 1575 г. согласился поступить на службу к князю Василию-Константину Константиновичу Острожскому. Такое решение объясняется не только финансовыми затруднениями Федорова-издателя, но и его желанием принять участие в культурно-просветительской деятельности людей из окружения князя Острожск

Состав поддерживаемого К.К.Острожским кружка литераторов и ученых был весьма неоднородным. Желая сплотить противников экспансии католицизма, князь, наряду с соглашательски настроенными деятелями, приглашал в Острог и людей радикальных взглядов. Период наибольшего подъема активности острожского кружка был связан именно с участием в нем передовых деятелей культуры, - понимавших общественное значение школы и книгопечатания.

Не позже 1576- начала 1577 г. (Ісаєвич 1972: 53-54) в Остроге возник "славяно-греко-латинский" коллегиум, по своему уровню намного превышавший все существовавшие ранее западнорусские школы. Недаром современники именовали новое учебное заведение академией, а Острог - Гелликоном, где поселились музы и сам Апполон, венчающий зеленым лавром учеников новой школы (Українська поезія XVI ст. 1987: 203). Известный славист И.Н.Голенищев-Кутузов считал возможным назвать Острожскую школу предтечей отечественных университетов (Голенищев-Кутузов 1973: 183).

Самым выдающимся представителем острожского литературно-научного кружка был ректор Острожской академии Герасим Смотрицкий (Колосова 1985: 86), сын дьяка и переписчика книг Даниила из Смотрица (Копреева 1985: 102; Мицько 1985б: 133). В ОБ он назван поименно как автор второго послесловия и стихотворения, которым оно кончается. От имени Ивана Федорова в Библии напечатано послесловие (в двух вариантах в разных частях тиража). Упоминание Смотрицкого и Федорова в Библии можно объяснить их ведущей ролью в литературных работах острожского культурно-просветительного центра. Полный состав его неизвестен. В фрагментарно сохранившихся документах и письмах упоминаются такие его вероятные члены как Василий Андреевич Суражский (Малюшицкий), Алексей (которому князь Острожский давал для оценки один из переводов князя А.М.Курбского), протестантский публицист Мотовило, ученые греки Дионисий Палеолог-Ралли (Дионисий, митрополит Тырновский), Ефстафий Нафанаил, Феофан Эммануил Мосхопул (Мыцко 1985а: 57-65). Хорошими знакомыми и,вероятно, помощниками Ивана Федорова являлись настоятель Ивановской церкви протопоп Терентий, ремесленник-шорник Антосько Симяшкевич, острожский писарь Василий. С последним, по-видимому, идентичен упомянутый в акте 1578 г. Василий Григорьевич Лисичанский, "пушкарчик, мужик, подданный его милости" (князя Острожского) (См.: Мицько 1987: 86). Некоторые из них, в частности прото-

поп Терентий и писарь Василий, были подготовлены и для литературного труда. Для нужд типографии работали талантливый художник и гравер Гринь Иванович из Заблудова, сын Ивана Федорова переплетчик Иван Друкарович, возможно также, слуга Федорова Василий Лосятинский. Надо полагать, острожскому кружку оказывали помощь также литераторы-переводчики, которых собрал князь Андрей Михайлович Курбский в своем имении Миляновичах. Во всяком случае, известно, что в 1578 г., когда готовился к изданию текст Библии, из Миляновичей в Острог прибыл переводчик Брум с партией бумаги (50 полных стоп). Видимо, побывал в Остроге и Артемий, который в некоторых поздних списках послания к Симону Будному назван "старцем острожским". Он мог посетить Острог не ранее 1574 г., когда город перешел в собственность К.К.Острожского (Мицько 1983: 104).

Первыми острожскими изданиями стали греческо-славянская Азбука 1578 г.[1] и Новый Завет с Псалтирью. В старой историографии было принято неодоценивать острожское первопечатное издание Нового Завета, якобы выпущенное только для того, чтобы печатники не остались без дела до окончания подготовки текста Библии. Это неверно. Специально для этого издания был изготовлен мельчайший шрифт, не применявшийся ранее в кирилловском книгопечатании. Отсюда видно, что книга с самого начала занимала существенное место в деятельности острожского книжного кружка. Напечатанные в малом формате мелким, но весьма четким шрифтом, Новый Завет с Псалтирью предназначались для домашнего чтения.

Ко многим экземплярам Нового Завета приложен алфавитный предметный указатель, составленный Тимофеем Михайловичем. Он оформлен как отдельное издание со своим титульным листом и гербом на его обороте. На титульном листе указатель озаглавлен: **Книжка собранїе вс҃ѣи нбжнѣишихъ вѣкратцѣ, скораго ради обрѣтенїа въ книзѣ новаго ꙁавѣта по словесемъ а҃зъбки, всѣмъ бл҃гочестно вѣрбющимъ въ с҃тбю живонача́льнбю тр҃цъ, о҃ц҃а, и с҃на, и с҃тго а҃ха, ꙁѣло есть полеꙁна.** Указатель составлен по образцу так называемых реальных конкорданций - предметно-тематических указателей к Библии. В конце XV и в XVI в. вышел из печати ряд конкорданций к латинскому, древнееврейскому, греческому, немецкому, английскому текстам Библии. В Остроге знали некоторые из западноевропей-

---

[1] См.: Острожская азбука Ивана Федорова. - Подготовка факсимильного издания Е.Л.Немировского. - М., 1983.

ских конкорданций, а также указатели к кальвинистской Брестской Библии[2] и к переводу Нового Завета антитринитария М.Чеховича. Используя в своей работе над указателем перевод еретика Чеховича, отрицавшего догмат о триединстве Божества, Тимофей Михайлович счел необходимым подчеркнуть, что его работа - полезна именно для верующих в Святую Троицу. Впрочем, заимствовав из иностранных источников саму идею издания и подбор части статей, составитель отнюдь не копировал эти издания. У него встречаются материалы, которых нет в западных указателях, есть оригинальные черты в размещении материала и в системе ссылок (на главы и зачала новозаветных книг). Цитируемые в указателе отрывки нередко отредактированы, использованы другие, чем в Новом Завете, грамматические формы, допускаются инверсия и сокращения. Напечатанная Иваном Федоровым "Книжка" Тимофея Михайловича - первое в отечественном книгопечатании справочно-информационное пособие (Корнейчик 1971: 17).

Надо полагать, что указатель к новозаветным книгам составлялся Тимофеем Михайловичем параллельно с его участием в подготовке к изданию Библии, которая, без сомнения, длилась не один год. Первым ее этапом был сбор нужных текстов. В предисловии к ОБ сказано, что поиски библейских рукописей и изданий велись по заданию князя Острожского в Константинополе, "в римских пределах", "паче же во многих монастырях грецких, сербских и болгарских". Только одна из Библий оказалась полной ("совершенной") - список ГБ, полученный из Москвы и ставший основой для дальнейшей редакционной работы, для сличения с греческим, латинским и славянскими текстами.

Установив различия между собранными ими списками, острожские редакторы решили в сомнительных случаях полагаться на авторитет традиционного греческого перевода Семидесяти (LXX). На титульном листе ОБ подчеркнуто, что славянский текст следует греческой Септуагинте - елико мощно. Таким образом, справщики осознавали невозможность достичь полной адекватности греческому тексту, однако стремились к возможному соответствию. В предисловии ОБ весьма категорично утверждается, что после обсуждения этого дела знатоками было решено - въ всемъ неизлѣнно, и несъмѣнно послѣдовати тексту LXX

---

[2] Заглавие "Книжки" Тимофея Михайловича отредактировано под влиянием названия указателя Брестской Библии ("Rzeczy i mieysc czelnieyszych starego y nowego zakonu porządne zebranie wedle liter obiecadła...").

(ѕво древнаго писанїѧ славнаго, и глѣбоуаишаго ꙗзыка, и писма еллинскаго, ѡв блженныхъ и вѣломдрыхъ преводниковъ...). Отсюда видно, что князь Острожский имел в виду греческий текст, когда характеризовал ОБ "как будто бы дочь" Библии, привезенной из Рима Дионисием Палеологом (Bolognetto 1938: 422; Theiner 1856: 431, 735). На основании информации А.Поссевино, неправильно понявшего слова князя Острожского, некоторые современные авторы утверждают, что из Р был передан в Острог древнеславянский кирилло-мефодиевский текс (Krajcar 1969: 196). Однако более вероятно, что знаток греческо языка Дионисий Палеолог привез в действительности греческую Бие лию: вряд ли бы грек, не знавший славянских языков, мог разыск вать славянские тексты. Более важно то, что в свете приведенны выше указаний титульного листа и предисловия острожские издате могли считать свою Библию "дочерью" только греческой Библии - А если бы говорилось об ОБ как "дочери" какой-то славянской Би лии, то полная печатная Библия - а именно такова ОБ - могла бы "дочерью" только полной Библии. Но как раз полной славянской Би лии в Риме не могло быть, единственной полной славянской Библи в то время была ГБ, копия которой и была получена из Москвы.

Кстати, о том что единственная полная славянская Библия по тупила из Москвы, сказано в предисловии. И как сказано! В самы разгар войны с Московским государством, в которой был вынужден принимать участие издатель Библии, с нескрываемой симпатией и годарностью говорится о Иване Грозном: токмо ѿ бл҃гочестива, и въ п славїи изрядно сїателна г҃да, и великаго кн҃зѧ, ї҃оанна василїевича московс и прочаѧ. ... съ прилѣжнымъ моленїемъ испрошенꙋю, сподобихомсѧ прїати с шенꙋю виблїю. Сказано смело, и даже такой человек как князь Ос рожский должен был считаться с возможными последствиями. Думае что именно с целью предотвратить репрессии (не только за издан ОБ, но и за другие аналогичные действия) он вступил в перегово с нунцием Болоньетти и в переписку с Римом, причем не скупился неосуществимые обещания, но не делал никаких реальных уступок толической Церкви. Чтобы избежать неприятностей за издание Би князь стал уверять католических сановников, что ОБ во всем сл ет Библии, полученной из Рима. Зато во всем громадном тираже о поисках книг "в римских пределах" было сказано туманно и ск говоркой в числе других мест, где искали тексты, не сказано д был ли действительно получен текст из Рима. О всех прочих ис

зованных Библиях говорится в общей форме, выделена только LXX, а из списков конкретно назван только "совершенный" список из Москвы. уважению к полученному из Москвы списку способствовало мнение острожских ученых, что этот перевод осуществлен в Киеве "за 500 лет до того при Владимире Великом".

Однако острожским книжникам не удалось сверить с LXX весь ветхозаветный текст, многое пришлось позаимствовать из Вульгаты и основанных на ней западнославянских версий, чему также способствовал авторитет ГБ. Из этого источника заимствована последовательность священных книг, а также включение в издание без каких-либо оговорок "второканонических книг" (Ср.: Hadžega 1933: 153-160). Политически правильной, однако, рассматривалась ориентация на греко-восточную традицию, поэтому случаи отступления от нее не подчеркивались или даже замалчивались. Заметим кстати, что по этому пути пошли и киевские справщики книг во второй четверти XVII века.

Если по своему содержанию ОБ максимально сближалась с греческим оригиналом, то языковая правка ставила целью воссоздать церковнославянский текст в том виде, который производил бы впечатление подлинного древнего аутентичного перевода эпохи князя Владимира. Архаизация языка служила в первую очередь тому, чтобы древностью отечественной традиции подкрепить авторитет того текста, который должен был противостоять нападкам идеологических противников. Это в какой-то мере удалось. По сравнению с ГБ правописание ОБ более нормативно, лексика более гомогенна. Редакторы сумели устранить немало наслоений, чуждых церковнославянскому языку. Влияние греческого языка в ОБ не столь сильно, как латинского в ГБ (Freidhof 1972). В отличие от московского Апостола и по примеру Апостола львовского в ОБ преобладают префиксы и предлоги **въ, възъ, съ** с редуцированными гласными. Это не просто дань архаике, но и отражение того факта, что вышедшие в Москве из употребления болгаризмы еще продолжали оставаться нормативными на Украине и в Белоруссии. Вместе с тем архаизованные написания редуцированных вместе с плавными **врьхоу, дрьжатисѧ, влъци** сосуществовали со свойственными живым восточнославянским языкам формами с **ер, ел, ер, ол.** В ОБ нет юсов и многих других орфографических особенностей церковнославянских текстов древнего и среднего (XIV-XV вв.) периодов. В целом в ОБ представлен типично восточнославянский поздний, хотя и нормализованный под старину вариант церковносла-

вянского (древнеславянского) языка (см.: Толстой 1963: 262). В несколько утонченной форме этот вариант был зафиксирован в "Грамматике" воспитанника Острожской академии Мелетия Смотрицкого, сына одного из редакторов текста ОБ (см.: Німчук 1979: 88-90).

Стремлением к архаизации объясняется незначительность лексических примесей из живых славянских языков. Понятно, что большинство редакторов знали другие славянские языки хуже, чем украинский. Поэтому неизвестные им инославянские слова подчас могли проскользнуть в ОБ: непонятные слова из живых славянских языков могли восприниматься как следы древности. Одновременно в области фонетики и морфологии устранялись явления, казавшиеся чуждыми языковой древности. Характерен в этом отношении следующий пример. Большинство диалектов украинского языка заменяло чуждый им звук *ф* на *хв*, ср. *Федоров = Хведорович*. Считая звукосочетание хв просторечием, острожские издатели заменяют его, так из волхвы, волхвованїе получается волфы, волфованїе. Подобным гиперистическим подходом можно объяснить написания рнѣныихъ, покрыша. По наблюдению Г.Фрайдхофа, случаи написания е на месте исконного ѣ особенно часты после букв р и л, ср. повеленїю, въпреки, пленица. Исследователь выдвигает гипотезу, что эти написания отражают свойственный украинскому языку выговор отвердевшего л и твердого р. Вероятно, сочетание л+е или р+е означало меньшую степень смягчения этих согласных, чем их сочетание с ѣ (см. Freidhof 1972: 76). Встречаются случаи передачи ѣ через и: на стинѣ, крипкихъ и т.п. То, что украинизмы чаще прослеживаются в фонетике и морфологии, чем в лексике, Г.Фрайдхоф относит за счет наборщиков и корректоров, а не переводчиков (Freidhof 1972: 163). Он не учитывает, однако, что специфически украинские черты произношения церковнославянских текстов были нормативными и в речи образованных лиц (см.: Успенский 1968: 102; Zwoliński 1965: 252-260, 262). В целом Г.Фрайдхоф, пожалуй, преуменьшает влияние украинского языка на текст ОБ (см.: Witkowski 1974: 276). Таким образом, вопрос этот требует дальнейшего изучения. Но недостаточно изучен вопрос и о роли Ивана Федорова, вносившего в текст элементы русской орфоэпии и орфографии. Вероятно, именно Федорову принадлежат ударения, типичные для русской письменной традиции, которые не были сохранены в последующих украинских изданиях новозаветных книг и Псалтири.

После подготовки текста, разработки и изготовления шрифтов и

клише орнаментальных украшений можно было приступать к печатанию книги. Отдельные разделы печатались не в той последовательности, в которой они размещены в книге. Сравнительно рано печаталась первая часть Ветхого Завета до конца 3 Царств. Здесь еще не практикуется характерная для остального текста замена колонтитула орнаментом на тех страницах, где начинаются главы. Первые ненумерованные восемь листов печатались значительно позже, когда стало ясно, что вся книга выйдет в свет только в 1581 году. Листы третьего счета, вероятно, печатались позже других, так как в некоторых экземплярах они допечатаны другим шрифтом. Это так называемые "виленские листы", приписываемые типографии Мамоничей. Не исключена возможность, что их допечатывали львовские горожане Сенько Корунка и Сацко Сенькович, которые после смерти Федорова завладели частью его оборудования, а также частью экземпляров Библии, в том числе и неполных (Ісаєвич 1983: 95).

В разных экземплярах Библии имеется сравнительно много различий в оформлении и правописании, в то же время послесловие встречается в двух вариантах, один из которых датирован 12 июля 1580 г., другой 12 августа 1581. И хотя на титульном листе всех экземпляров указан 1581 год, в научной литературе было распространено мнение о наличии двух изданий Библии - 1580 и 1581 года. Осуществленное А.С.Зерновой сравнение 30 экземпляров ОБ из Библиотеки им. Ленина показало, что вариантные листы размещены в экземплярах, имеющих различные послесловия, без какой-либо системы. Это обстоятельство, равно как и наличие отдельных экземпляров с двумя разными послесловиями, позволило сделать вывод, что было лишь одно издание Библии (Зернова 1947: 62). В ходе печатания книги в набор все время вносились изменения и исправления. Сначала планировалось окончить печатание в августе 1580 г., а когда это оказалось неосуществимым, начали печатать выходные листы с новой датой, намеченной как день завершения работы. При комплектовании экземпляров вариантные листы подбирались в разных комбинациях. А.С.Зернова выделила 29 вариантов, отличающихся текстом либо оформлением. Из них семь (варианты 4, 6, 12, 17, 20, 21, 27) встречаются в значительном количестве экземпляров, остальные - сравнительно редко (см.: Зернова 1947: 92-95). Старый выходной лист был заменен новым лишь в части тиража, к тому же старое послесловие удалили не из всех экземпляров, в которые был вклеен новый вариант

послесловия. Впрочем, в некоторых из таких экземпляров второй вариант послесловия мог быть подклеен букинистами или коллекционерами уже в XIX веке.

ОБ - книга форматом в лист, первые 8 листов ненумерованы, после этого идет пять отдельных фолиаций: 276, 180, 30, 56, 78 листов, нумерованных справа сверху кирилловскими буквами, всего 6 листов без счета тетрадий. На полных страницах по 50 строк, на в два столбца.

На обороте титульного листа - герб князя Острожского и вир о гербе. Далее идут предисловие К.К.Острожского (первая его ча напечатана также по-гречески), предисловие и вирши Герасима См рицкого, где с гневом говорится о кознях противников православ и содержится призыв к борьбе против духовного порабощения наро этими "хищными волками". По всей видимости, он имеет здесь в в ду не только еретиков-антитринитариев, но и апологетов католиц ма. Но полемику с католиками приходилось вести в завуалированн форме, а антитринитариев можно было критиковать открыто. Более того, нападки на них помогали отводить обвинения, нередко выдв гавшиеся католической стороной, о союзе православных с антитри тариями. Поэтому наличие в предисловии и виршах прямой полемик с антитринитариями не является достаточным основанием для выво что главным мотивом издания Библии была необходимость борьбы с антитринитаризмом (см.: Mathiesen 1981: 76, 89).

Судя по особенностям языка и стиля, Смотрицкий был автором не только подписанного им второго предисловия и заключающих ег виршей, но также и "виршей на герб". Зато первое предисловие (имени князя Острожского) по языку отличается от второго предис вия; в нем, в частности, отсутствуют украинизмы, которых Смотр кий не избегает (сварити, ѕацность, пожитокъ в предисловии, негода заключающем его стихотворении). Стилистические признаки позво ют предположить участие Ивана Федорова в составлении или реда ровании первого предисловия, написанного от лица издателя.

Вирши Смотрицкого стали первой печатной публикацией поэти ского произведения, созданного у восточных славян. В том же 1 г. в Остроге была напечатана отдельной листовкой так называем "Хронология" - вирши белорусского поэта-кальвиниста Андрея Ры о событиях ветхозаветной истории, которые примечательны также первая публикация не на церковнославянском, а на литературном

белорусско-украинском языке. Интерес Андрея Рымши к Ветхому Завету дает основание для предположения о его участии в обсуждении вопросов, связанных с редактированием текста Библии.

Как и начало предисловия князя Острожского, второй вариант послесловия Федорова напечатан на двух языках - на церковнославянском и на греческом. Существует предположение, что наборщиком греческих текстов был сам Иван Федоров (о греческих текстах ОБ - см.: Фонкич 1985: 110-116). Интересно, что в колофоне, следующем за вторым вариантом послесловия, в славянском тексте сказано о напечатании книги много грѣшныѣ їоа҃номъ ѳеодороуѣ сыномъ ѯ москвы, а в греческом тексте слову ѯ москвы соответствует ἐκ τῆς μεγάλης ῥωσίας - "из Великой России".

Сознательно стремясь к архаизации текста, острожские издатели не ставили такой задачи в отношении внешнего вида книги - графики шрифтов, художественного оформления страниц. Для Нового Завета и Библии были разработаны новые шрифты, не подражавшие кириллическому письму, хотя в начертаниях букв можно найти много общего с начертаниями книжного полуустава того времени (Немировский 1975: 105).

При общем восприятии строк и столбцов Библии она больше напоминает памятники деловой письменности Украины и Белоруссии, чем рукописные или печатные литургические книги. Мелкие размеры, некоторая упрощенность букв, слабый наклон вправо вертикальных штрихов, "просветленность" строки, - все это сближает острожский шрифт с одной из школ западно-русского канцелярского письма, испытавшего влияние скорописной латиницы. Решающее влияние на острожский шрифт могло оказать письмо, часто встречающееся в актовых книгах Волыни (см.: Клименко 1926: 56-76). Сходные начертания прослеживаются и в ряде памятников из других частей Украины (см., например, автографы Ивана Рогатинца) и из Белоруссии. Весьма вероятно, что в создании шрифтов наряду с Иваном Федоровым принимали участие деятели, хорошо знавшие местную деловую письменность: острожский писарь Василий (Лисичанский), Герасим Смотрицкий, бывший до переезда в Острог писарем в Каменце. Греческие шрифты созданы на основе почерков писцов-профессионалов греческого происхождения (их много работало в Венеции и других европейских городах).

Художественное оформление Библии, как и Нового Завета с Псал-

тирью, заметно отличается от оформления предыдущих изданий Ивана Федорова. В Библии сравнительно мало заставок и концовок, главным видом орнаментики являются гравированные на дереве инициалы в прямоугольных рамках (их насчитывается 1384) (Запаско 1974: 47; см. также статьи В.К.Пуцко, В.Ф.Шматова, Д.В.Степовика в сборнике "Федоровские чтения 1981" - М., 1985). Богаче, чем в предыдущих острожских изданиях, ассортимент литых наборных украшений. Среди них обращает внимание деталь, которую Н.П.Киселев назвал "херувимом-запорожцем" (Киселев 1964: 73-74). Ее прототип выявлен в одном из изданий анонимной типографии антитринитариев (в этом издании обнаружен и прототип одной из концовок Апостола 1574 г.). Титульный лист украшает гравированная рамка, которая была употреблена Иваном Федоровым в обоих Апостолах. Рисунок картуша герба князей Острожских - подражание аналогичному изображению на обороте титульного листа кальвинистской Брестской Библии.

Иван Федоров планировал украсить Библию 150 сюжетными иллюстрациями с клише, гравированных из меди. С этой целью он вошел в сношение с вроцлавским гравером Блазиусом Эбишем (Исаевич 1981а: 5-13). К сожалению, смелый, по тому времени, план не удалось осуществить.

Знакомство Ивана Федорова с западноевропейскими изданиями Библии отразилось на общей композиции страницы (набор в два столбца, размещение колонтитулов и колонцифр, характер инициалов). И все же художественный облик острожского шедевра Ивана Федорова неповторимо своеобразен. Острожские шрифты, заставки и инициалы с тонким растительным орнаментом свидетельствуют, что Иван Федоров с любовью и уважением относился к украинскому искусству, прививал эту любовь и Гриню Ивановичу, которого считают непосредственным исполнителем острожских орнаментов (Запаско 1974: 55).

Библия была напечатана довольно значительным, по тому времени, тиражом. Ее экземпляров сохранилось больше, чем всех вместе взятых других книг, напечатанных Иваном Федоровым. Как свидетельствуют вкладные записи, Библия весьма быстро стала известной не только во всех частях Украины и Белоруссии, но и в Московском государстве, а также среди южных славян и в Молдавии, Валахии, Трансильвании - везде, где в качестве литургического и письменного было церковнославянский язык.

Некоторые читатели стремились усовершенствовать книгу, испр

ляли текст, присоединяли к нему рукописные указатели. Особенно тщательно поработал над сверкой текста ОБ с другими изданиями в 1594 г. Василий Зенкевич, разделивший, к тому же, текст своего экземпляра на версты (Шамрай 1985: 206). В ряде случаев, отталкиваясь от текста ОБ, ее читатели дописывали на полях настоящие публицистические трактаты. Укажем, известные в науке приписки анонимного "волынского вольнодумца" (Апанович 1985: 172-179), антиуниатские записи закарпатского полемиста Михаила Андреллы (Панькевич 1947; Микитась 1961: 55). Недавно выявлены филологические и публицистические приписки-комментарии к тексту ОБ, которые связывают с эмигрантами из Московского государства в западнорусских землях (возможно, круга князя Андрея Курбского) (Пихая 1987: 21-33)

ОБ знали и ценили также в странах Западной Европы. В 1680 г. видный археограф болландист Д.Папеброх опубликовал в Acta Sanctorum латинский перевод первого предисловия ОБ[3]. Цитируя этот перевод, Б.Э.Тейцель, издатель одного из первых научных журналов "Monatliche Unterredungen" (1680, S.588, 591), поставил вопрос об использовании в ОБ кирилло-мефодиевских переводов и указал, что экземпляр книги имеется у Моретуса - наследника типографии Планте на. Подробные описания ОБ дали И.П.Коль (1729), Д.Клеман (1752), зарегистрировали ее в своих указателях И.Фогт (1723, 1793), П.Г. Хагеманн (1747), Г.Л.Кнох (1752) и другие исследователи. Достоинство ОБ как памятника книгопечатания высоко оценил Г.Дибдин в своем знаменитом описании библиотеки Джона Спенсера[4]. Таким образом, острожское издание стало для зарубежных читателей важным источником для ознакомления с культурным наследием славянских народов.

Сам Иван Федоров вскоре после напечатания ОБ уехал во Львов, где и скончался 5 (15) декабря 1583 года. Основанная им Острожская типография возобновила работу лишь во второй половине 80-х годов I века. До 1612 г. в Остроге было напечатано около 30 различных изданий, среди которых - буквари, полемические произведения Герасима Смотрицкого, Василия Суражского-Малюшицкого, Христофора Филарета, славянские переводы "Книги о постничестве" Василия Великого "Маргарита" - сборника поучений Иоанна Златоуста. В составе ост-

3 Acta Sanctorum collecta a G.Henschelio et D.Papebroch. Antverpiae, 1680. Maii tomus 3. - Notae, p. 16-17.

4 Dibdin T.F.Bibliotheca Spenceriana... London, 1814. Vol. 1, p.90-93.

рожской "Книжицы" 1598 г. вышло в свет единственное прижизненное издание одного из произведений Ивана Вишенского - послания князю Острожскому.

Однако наиболее известным и важным острожским изданием осталась знаменитая Библия. Она была основанием для последующих изданий славянской Библии. Именно на базе острожского текста готовилась *"славенская библия исправленная"* в стрятинско-крылосском кружке, которым руководил П.Брында (Исаевич 1981б: 36). Позже Библию сверяли с греческим текстом Лаврентий Зизаний ("до Даниила") и Кирилл Иванович Замойский (остальной текст) (Исаевич 1981б: 80). Этот текст предполагали издать в Киево-Печерской типографии, однако план не был осуществлен. Только в 1663 г. ОБ была переиздана в Москве. В предисловии *московского издания* сказано, что это перепечатка съ готовагш перевода, кнзѧ кшнстантіна остроꙁскагш печати неизмѣннш, кромѣ шрѳографїи, и нѣкихъ вмалѣ именъ, и реченїй... Текст московского предисловия написал Епифаний Славинецкий по образцу острожского. Сличение экземпляра, по которому ОБ перепечатывалась в Москве с экземпляром перепечатки (Автократова, Долгова 1985: 168-171), показало, что наборщики последовательно устраняли элементы среднеболгарского правописания и некоторые особенности ударений, причем делали это не только по пометам справщиков, но и самостоятельно. Никаких существенных изменений текста московские справщики не допустили, хотя они и пользовались греческой печатной Библией и рукописной славянской. В *Елизаветинской Библии 1751 г.* объем правки значительно больше, но и в ее основе лежит ОБ. Это же относится к последующим переизданиям славянского текста в Москве, Петербурге, Киеве, Почаеве, Перемышле, Буде. Первая румынская Библия, которую в 1688 г., напечатал в Бухаресте епископ Митрофан со своими учениками, подражала острожскому изданию шрифтом, приемами полиграфической организации текста, украшениями (инициалы на черном фоне в прямоугольных рамках, применение литых наборных украшений для заставок и концовок). Фрагменты предисловия Герасима Смотрицкого были использованы в предисловиях и послесловиях изданий Никиты Феофанова, в "Сказании" Авраамия Палицына и других памятниках.

Как непосредственно, так и через переиздания ОБ оказывала значительное влияние на культурную жизнь, являлась на протяжении длительного времени существенным фактором межславянского культу-

ного общения. Авторитетность этого издания способствовала тому, что именно ОБ играла особо важную роль в стабилизации характерных для кириллического славянского книгопечатания особенностей языка, полиграфической организации текста, художественного оформления книг.

Игумен ИННОКЕНТИЙ (Павлов)

СЛАВЯНСКАЯ ТРАДИЦИЯ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ И ОСТРОЖСКАЯ БИБЛИЯ

Хотя изданная в Остроге в 1580-1581 гг. Библия и не является первым полным сводом Священного Писания в славянском переводе - таковой появился на восемь с лишним десятилетий раньше в результате деятельности книжного кружка архиепископа Новгородского Геннадия, - ее место в истории русской и общеславянской культуры оказалось более значительным. И дело здесь даже не в том, что текст ГБ, список с которой лег в основу острожского издания, подвергся некоторой правке, а местами и значительной переработке. Церковное и культурное значение ОБ определяется тем, что через нее русский народ и другие народы церковнославянского литературного языка стали обладателями значительнейшего результата развития общеевропейской средневековой культуры - Библии как формы хранения Священного Писания, отвечающей задачам образования и богословия, а, следовательно, положенной в основу миросозерцания и художественного творчества.

Для русских это открывало путь собственного богословского и культурного синтеза, начатки которого уже стали проявляться в деятельности западнорусских книжников (князь А.М.Курбский, литературный круг князя К.К.Острожского и др.). Впрочем, польско-католическая духовная и культурная экспансия последовавшей затем эпохи унональных споров поставила так или иначе дальнейшее развитие русской духовной культуры в зависимость от прямого западного влияния, сначала католического (польско-латинского), а со времени Феофана Прокоповича - и протестантского. Таким образом, указанный синтез отодвинулся уже в XIX, а в ряде своих результатов даже в XX век. Поэтому тем более здесь важно иметь в виду, что для русского пра-

вославного богослова или религиозного мыслителя Священное Писание представало именно как Библия. Не случайно и в русской школьной богословской литературе, находившейся в значительной зависимости от прежних схоластических схем, они даже синонимировались.

Между тем, ОБ вслед за своим геннадиевским прототипом сама явила синтез трех основных исторических традиций хранения и использования Священного Писания - иудейской, византийской, которая в своих наиболее распространенных модусах была перенесена первоначально на славянскую почву, и латинской, в которой Библия как кодикологическая форма стала ведущей, перейдя в национальные традиции Священного Писания у западноевропейских народов.

I

Теперь мы кратко охарактеризуем каждую из упомянутых трех традиций в той мере, в какой это необходимо для представления о собственно славянской традиции Священного Писания, вершиной которой и явилась ОБ.

И у д е й с к а я т р а д и ц и я вошла сюда вообще и в частности оказалась представленной в ГБ, а вслед за ней и в острожском издании одним весьма существенным элементом. Речь идет о бытовании на Руси и дальнейшем включении в ГБ, а затем и в ОБ - *Пятокнижия Моисеева* - типа книги довольно редкого в Византии и практически незнакомого южным славянам. Последнее, как правило, входило в греческих рукописях в состав сборника, именуемого *Осьмокнижие* (ὀκτάτευχος) и включавшего в себя Пятокнижие (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), а также книги Иисуса Навина, Судей и Руфь. Указанный сборник был распространен на греческом Востоке как самостоятельно, так и в сочетании с книгами Царств (1-4). Об названных типа сборников ветхозаветных книг были перенесены затем на славянскую почву, по-видимому, еще св. Мефодием и его последователями в симеоновской Болгарии.

Древнерусское Пятокнижие в текстологическом отношении не представляло из себя ничего принципиально нового, воспроизводя со своими лингвистическими особенностями славянский перевод с LXX болгарской редакции эпохи царя Симеона (893-927). Однако как сам появление книги этого типа, так и в особенности деление в ней текста на параши (зачала для субботнего синагогального чтения - 52 по фактическому количеству суббот в году) вызывает естественное

предположение о ее происхождении в среде русских иудеев еще в домонгольский период. Очевидно, что знание древнееврейского языка в иудейской общине на Руси не было всеобщим, а практика таргумов (переложений Священного Писания на живые языки) среди еврейской диаспоры восходила еще ко времени после вавилонского плена (30-е гг. VI в. до н.э.), так что нет ничего удивительного в использовании ими имевшегося перевода на понятный язык главной книги в иудейской традиции Священного Писания - Торы (Алексеев 1987: 12). Наличие же Пятокнижия с делением на параши, равно как и переводов с еврейского в русских списках, бытовавших в церковной среде, не является ли свидетельством имевших место в Киевской Руси взаимосвязей между христианскими и иудейскими книжниками (Алексеев 1987: 17)? Пятокнижие оказалось для древнерусских книжников довольно удобным как тип кодекса, внося естественное деление в сборник *Осьмокнижие + Царства* (в дошедших до нас русских списках известен именно данный тип). Указанный сборник теперь распадался на два почти равных по объему кодекса - Пятокнижие и *Навин, Судьи, Руфь + Царства*.

В ГБ также вошел бытовавший на Руси и входивший обычно вместе с Осьмокнижием и Царствами в состав хронографов или же в сборники типа: Навин, Судьи, Руфь + Царства - перевод 1-9 глав книги *Есфирь*, выполненной с древнееврейского языка, вероятнее всего, в конце XI в. в пределах Руси. Оригиналом для этого перевода послужило ни что иное как мегилла (свиток для синагогального чтения) иудейского праздника Пурим (см.:Мещерский 1956; Алексеев 1987). Составители ГБ перевели с Вульгаты другие, известные по тексту LXX, главы Есфири (10-16). В свою очередь, острожские редакторы, не удовлетворившись обоими переводами, поместили в своем издании книгу Есфирь в новом переводе с LXX.

В иудейской традиции Священного Писания для нас имеют интерес два аспекта - канонический и кодикологический.

Что касается первого из них, то здесь необходимо сказать о строгой градации книг, образующих три составные части Священного Писания у иудеев.

Это - Закон (תורה Tôrāh), Пророки (נביאים Nᵉbhî'îm), Писания (כתובים Kᵉthûbhîm). Аббревиатура, состоящая из начальных еврейских букв в названиях указанных разделов - תנך TaNaKh, обозначает у иудеев корпус Священного Писания.

Наивысший и особо подчеркиваемый в сравнении с другими разделами Писания авторитет здесь имеет Tôrāh - З а к о н, данный Богом через пророка Моисея еврейскому народу и определивший его религиозную традицию. Свиток Торы является главной принадлежностью каждой синагоги, а ее чтение - непременной частью субботнего молитвенного собрания иудеев.

Раздел N^{e}bhî'îm - П р о р о к и в свою очередь подразделяется на *пророков начальных* (или старших), включающих в себя книги: Иисуса Навина, Судей, Самуила (1 и 2 Царств) и Царей (3 и 4 Царств) и излагающих религиозную историю еврейского народа от заселения Палестины после исхода из Египта до вавилонского плена (2-я пол. XIII в. - 597 г. до н.э.), и *пророков последних* (или младших), включающих в себя собственно пророческие книги: трех пророков великих - Исайи, Иеремии и Иезекииля, и двенадцати малых - Осии, Иоиля, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии.

Раздел K^{e}thûbhîm - П и с а н и я в эллинистической традиции александрийских иудеев стал обозначаться полным названием - τὰ ἁγιόγραφα, от него и происходит принятый в христианской церковной традиции термин Священное Писание. К этому разделу относятся свитки - מְגִלּוֹת m^{e}ghillôth, целиком прочитываемые в определенные иудейские праздники. Это книги Руфь, Екклисиаст, Песнь Песней, Плач Иеремии и Есфирь. К писаниям же относятся Псалтирь, книги Притчей, Иова, пророка Даниила, Ездры (1-я книга), Неемии и Хроника (1-2 Паралипоменон).

С указанным каноном связана и кодикология иудейского корпуса Священного Писания. Книга - по-еврейски סֵפֶר sêfer - означает кожаный свиток, который был характерной для древнего мира кодикологической формой. Вышеприведенная каноническая градация в сочетании с данной формой вела к тому, что в традиции синагоги Священное Писание обычно представляло из себя *библиотеку*, то есть собрание свитков священных книг.

При этом Тора могла представлять собою как цельный свиток, так и для удобства пользования делиться на пять отдельных свитков. Священные свитки хранились в специальных сосудах - חֵק hêk, которые иудеи-эллинисты соответственно именовали τεῦχος, отсюда и название πεντάτευχος - Пятокнижие (Воронцов 1909: 17)[1].

[1] Исключительное положение Торы подчеркивается, например, следующим об-

Хотя синагогальная практика располагала и большими свитками (Тора), и довольно краткими (мегилла Песни Песней), в целом "как богослужебный предмет свиток не должен был представляться ни слишком объемистым, ни чересчур малым". Достаточно сказать, что в связи с этим книги 12 малых пророков были сведены в один свиток, который и при этом не был особенно велик. Вообще же, "свитки, обнимающие главные библейские отделы, вот что обычно встречалось в синагоге" (Воронцов 1909: 113).

В IV в. н.э., по-видимому, не без влияния бурно развивавшейся тогда христианской письменности, в иудейской среде происходит переход от свитка к кодексу. Правда, синагогальная практика по сей день удерживает форму свитка для Торы и мегиллы Есфири. Однако для частного употребления и Тора с тех пор могла переписываться уже как кодекс. Указанная кодикологическая реформа повлекла за собой в дальнейшем и создание еврейской Библии - то есть полного свода священных книг в одном кодексе[2]. Масора[3] знает до десятка таких списков еврейской Библии, созданных в разных местах еврейского расселения (Палестина, Месопотамия, Египет, Испания). Входящий в их число список Каирской Библии 1008 г. - так называемый Codex Leningradensis (ГПБ, B 19[A]) - лежит в основе критических

разом в Талмуде в трактате Мегилла (4.20): "Можно класть одну Тору на другую и одни хомеши (חמש hômesh - 1/5 часть Торы или соответственно одна из книг Пятокнижия) на другие, Тору и хомеши на Пророков, но Пророков нельзя класть на Тору и хомеши". Тот же порядок устанавливается и в отношении оболочек для свитков (מטפחת mîtp^{a}hat): "Можно обвязывать Тору ободочкой от (другой) Торы и хомеш - оболочкой от хомеша, Тору и хомеш - оболочкой от Пророков, но Пророков нельзя обвязывать оболочкой от Торы и хомеша".

2 До этого практика сведения в один свиток при помощи миниатюрного письма всех разделов Священного Писания, хотя бы только в школьных или частных целях, представлялась в среде раввината далеко не бесспорной (Воронцов 1909: 115).

3 *Масора* מסרה māssôrāh - традиция (связана с ветхозаветным понятием מסרת māssôreth - обязанность), в данном случае традиция еврейского текста Священного Писания, предполагающая обязательное следование ей. Так называется дошедшая до нас форма этого текста, сохраненная еврейскими учеными - масоретами. Хотя опыты по определению чтения древнееврейского консонантного текста стали предприниматься в 1 тысячелетии довольно рано, решающее значение имела работа масоретов, начатая около 700 г. и завершившаяся в 1-й половине X в. введением специальных обозначений для его вокализации. Существовало два района, где велась эта работа, - Месопотамия и Палестина, с центром в Тивериаде, где ее возглавлял род бен Ашера. Созданная им вокализация священного текста и стала в итоге нормативной. К 930 г. Аароном бен Моше бен Ашером был изготовлен список Библии, именуемый ныне Алеппским манускриптом (сохранился почти на 3/4, в настоящее время находится в Еврейской Национальной и Университетской библиотеке в Иерусалиме), с которого в 1008 г. и был сделан древнейший датированный список полной еврейской Библии - Codex Leningradensis.

изданий Biblia Hebraica под редакцией A.Alt, O.Eissfeldt, P.Kahle (3-е испр., 1937) и последнего Biblia Hebraica Stuttgartensia (ed. K.Ellinger et W.Rudolph 1967/1977).

В 1488 г. в Сончино в Ломбардии вышло первое печатное издание еврейской Библии (до этого были напечатаны: в 1477, 1478 и 1480 гг. в Болонье - Псалтирь; в 1482 и 1487 гг. в Болонье и Ферраре - Тора; в 1485-1486 гг. в Сончино - Пророки; в 1486-1487 гг. там же - Писания). Только в конце XV в. это издание повторялось дважды: в 1491-1493 гг. в Неаполе и в 1494 г. в Брешии.

С тех пор Библия (канонический состав Ветхого Завета) заняла прочное место в частном употреблении и школьной практике иудеев.

Текстуальную базу **византийской традиции** Священного Писания составили Септуагинта и корпус Нового Завета, для которого греческий язык явился оригинальным.

Септуагинта или перевод Семидесяти (LXX), названный так по имени 72-х толковников, которые, согласно преданию, по просьбе египетского царя Птолемея II Филадельфа (285-247 до н.э.) перевели Тору на греческий язык. Действительно, в период между 285 и 150 гг. до н.э. в среде александрийских иудеев, для которых греческий язык стал родным, сформировался перевод Священного Писания, включивший в свой корпус также ряд книг, отсутствовавших в иудаистическом каноне. Переводчики стремились к предельному буквализму в передаче еврейского оригинала, что особенно заметно в синтаксисе, проникнутом гебраизмами. Получив распространение в иудейской диаспоре греко-римского мира, LXX перешла затем в христианскую Церковь уже в качестве Ветхого Завета. В III- начале IV в. текст LXX в бытовавших тогда рукописях подвергся критическому рассмотрению со стороны христианских ученых александрийской и антиохийской экзегетических школ, и прежде всего Оригена (185-253/254). Его труды, опиравшиеся на опыт литературной традиции Александрии, с ее стремлением к энциклопедической полноте, имели важное значение в плане кодификации греческого текста Священного Писания. Их результаты, очевидно, и оказали впоследствии влияние на составителей известных нам списков греческой Библии IV века.

Новый Завет как письменная традиция сформировался в период 40-х - 100-х гг. преимущественно в среде, где господствовал греческий общеупотребительный язык κοινή (иудеи рассеяния и христиане из язычников). В этот период его составляли от-

дельные писания апостолов, которыми христианские общины достаточно интенсивно обменивались. По-видимому, уже в начале II в. стали предприниматься опыты кодификации Нового Завета и образовались основные типы сборников вошедших в него книг, во многом определившие его дальнейшее бытование. Как раз в это время в христианской среде происходит переход от свитка к кодексу как форме книги, что в дальнейшем имело огромное значение для истории письма. С Константиновой эпохи, открывшей Церкви возможности открытой и широкой деятельности, хрупкий папирус, на котором по большей части писались до этого церковные книги, вытесняется более дорогим, но зато гораздо более прочным пергаменом. Резко возросшая потребность в книгах Священного Писания, тексты из которых согласно сложившейся практике читались за богослужениями, привела к созданию специальных лекционарных сборников, получивших впоследствии повсеместное распространение и устойчивое бытование в Византии.

Не случайно поэтому византийская традиция Священного Писания Ветхого и Нового Завета была перенесена на славянскую почву в Моравии в 60-е гг. IX в. свв. Константином-Кириллом (ок. 827-869) и Мефодием (ок. 815-885), прежде всего, как *традиция литургическая*. Практика церковного чтения Священного Писания, сложившаяся в Византии, включила в себя отнюдь не весь принятый Церковью корпус священных книг. Ведущее место здесь принадлежит Е в а н г е л и ю (благовествование по четырем евангелистам). За ним идут книга Деяний апостолов и апостольские Послания (соборные и Павловы), образующие особый отдел - А п о с т о л. Рукописи обоих этих новозаветных разделов, имевших главным образом служебное назначение, содержат священный текст как в последовательности расположения книг в каноне и их повествований, так и в порядке чтений, определенных на соответствующие дни, начиная с первого дня Пасхи. За сборниками библейских текстов, имеющих указанную во втором случае организацию, в науке закрепилось название лекционариев. До нас дошло 2209 рукописей IV/V-XVI вв., являющихся греческими новозаветными лекционариями, что составляет более 40 % от общего числа сохранившихся греческих новозаветных рукописей (Metzger 1981: 54). В славянской среде за новозаветными лекционарными сборниками закрепилось название *апракосов*[4], которые в свою очередь

[4] *Апракос* - от греч. ἄπραπτος "нерабочий", по слав. недѣльныи, - это название указывает на то, что данный вид сборника содержит, прежде всего,

делятся на типы краткого и полного. Краткий апракос, соответствовавший требованиям богослужебного Устава Великой Церкви, употреблялся в соборной и приходской практике; полный же апракос, соответствовавший требованиям монастырских уставов, употреблялся за богослужениями в монастырях, исчерпывая при этом почти все содержание Евангелия или Апостола. Из более чем полутора тысяч атрибутированных славянских рукописей XI-XIV вв., находящихся в собраниях СССР, свыше 450 являются кодексами, содержащими те или иные разделы Нового Завета, или их отрывками (не менее 4/5 от указанного числа приходится на Евангелие). Апракосы составят здесь более 60 %. Однако уже из более чем семисот новозаветных славянских рукописей XV в., хранящихся в советских собраниях (свыше 500 из них - Евангелия), апракосов будет лишь немногим более 25 %.

Очевидно, что в первую очередь в славянской среде должны были появиться краткие апракосы Евангелия и Апостола, как отвечавшие нуждам соборно-приходской практики. Полные апракосы должны были найти себе применение с возникновением монастырей и введением монастырского типа богослужения. Историко-литургические и филологические наблюдения относят появление полных апракосов в Болгарии к X, а на Руси к XI веку (Пентковский 1988: 40-41).

Что касается Четвероевангелия и Апостола с последовательным расположением текста книги Деяний и Посланий - то можно предположить, что их перевод явился еще результатом трудов свв. Кирилла и Мефодия (Алексеев 1988: 127-128). В ГБ он вошел в так называемой "четвертой редакции", сформировавшейся в 1-й пол. XIV в. в южнославянской среде и получившей в XV в. господство на Руси. Редакторы ОБ подвергли ее хотя и весьма небольшой, но местами и серьезной правке.

Ветхий Завет в богослужебном обиходе на греческом Востоке оказался представленным в первую очередь П с а л т и р ь ю с приобщением к ней так называемых песен Священного Писания[5]. Чтение

евангельские и апостольские чтения недельных (воскресных) и других праздничных дней.

[5] Девять песен составляют 10 отрывков из Священного Писания со словами хвалы и благодарения Богу ветхозаветных праведников, а также Пресвятой Девы Марии и праведного Захарии - отца Иоанна Крестителя. Песни эти суть следующие: 1-я - прор. Моисея (Исх. 15. 1-19); 2-я - его же (Втор. 32. 1-43); 3-я - пророчицы Анны, матери прор. Самуила (1 Цар. 2. 1-10); 4-я - прор. Аввакума (Авв. 3. 1-19); 5-я - прор. Исайи (Ис. 26. 9-19); 6-я молитва прор. Ионы (Иона 2. 3-10)

пение псалмов является непременной составной частью каждого богослужения в поместных церквах греко-восточной традиции, а Псалтирь с последовательным расположением в ней псалмов - важной богослужебной книгой. Так, по ней читаются (или поются) кафизмы[6], являющиеся частью богослужений вечерни и утрени, а также монашеских келейных молитвенных правил. Не случайно поэтому в фонде дошедших до нас греческих ветхозаветных рукописей Псалтири принадлежит ведущее место - около 880 списков III-XVII веков (Ralfs: 390-399). Славянское рукописное наследие являет в этом плане еще более внушительную картину. В его составе до нас дошло около 4000 (!) списков Псалтири XI-XVII веков (Евсеев 1911). В Древней Руси Псалтирь была не только богослужебной, но и учебной книгой - по ней обучались чтению.

Другим ветхозаветным, уже собственно лекционарным сборником является *Паримийник* (в греческой практике называемый Профитологием)[7]. Последний включает в себя избранные чтения из следующих книг Ветхого Завета (в скобках указано приблизительное количество перекоп из той или иной книги в составе Паримийника): Бытие (32), Исход (13), Числа (2), Второзаконие (2), Иисуса Навина (2), Судей (1), 1-4 Царств (7), Иова (5), Притчей (30), Премудрости Соломона (1 ?)[8], Исайи (49), Иеремии (9), Иезекииля (5), Даниила (3), Иоиля (2), Ионы (вся книга), Михея (1), Софонии (2), Захарии (4)

7-я - молитва трех отроков (Дан. 3. 26-56); 8-я - их же песнь (Дан. 3. 57-88); 9-я - песнь Богородицы и молитва прав. Захарии (Лк. 1. 68-79).

6 *Кафизма* - от греч. глагола καφίζω = сижу, это название служит указанием на то, что входящие в кафизмы псалмы можно слушать сидя. Текст греческой и славянской Псалтири разделен на 20 кафизм почти одинаковой длины, при этом кафизма может состоять из одного продолжительного псалма (Каф. 17: Пс. 118) или же из пятнадцати кратких (Каф. 18: Пс. 119-133).

7 *Паримийник* - от *паримия* греч. παροιμία "притча". Сборник получил наименование по вошедшей в него в значительном объеме книге Притчей Соломоновых. Этим названием подчеркивается назидательный и мессианско-прообразовательный характер входящих в него ветхозаветных чтений. *Профитологий* - греч. προφητολόγιον от προφήτης "пророк", то есть сборник чтений из книг ветхозаветных писателей-пророков.

8 Единственная неканоническая (то есть известная лишь по тексту LXX) книга Ветхого Завета - Премудрость Соломона, войдя в состав славянского Паримийника, в разных его списках представлена различным составом. Например, одной паримией в 18 стихов - в болгарском Григоровичевом Паримийнике кон. XII- нач. XIII в. (ГБЛ, собр. В.И.Григоровича, № 2); 83 стиха (19% содержания) в древнерусском Захарьинском Паримийнике 1271 г. (ГПБ, Q п I 13); наконец, 116 стихов (27% содержания) в западнорусском Супрасльском сборнике 1507 года (БАН, 24.4.28).

и Малахии (1) (Kyas, Šarapatkova 1971: 95-108). Таким образом, только одна небольшая книга прор. Ионы вошла полностью в Паримийник. На одну треть вошли в него такие значительные по размерам книги как Бытие, прор. Исайи и Притчи, которые в течение Великого поста читаются в седмичные дни.

Среди греческих ветхозаветных рукописей Паримийник (Профитологий) займет второе место по количеству дошедших до нас списков - более 150, датируемых VI/VII-XVI веками (Ralfs: 440-443). Славянский паримийник известен теперь в количестве около 70 списков XII/XIII-XVI веков (Пичхадзе 1986: 22).

Однако паримийные тексты мы встретим также в немалом числе *триодей* и *служебных миней*. С XIII в. обычай развитой византийской литургической практики помещать паримии в указанных богослужебных книгах стал распространяться у южных славян, а в XV в. укоренился и на Руси.

Теперь следует обратить внимание на характерные небогослужебные сборники книг или же отдельные книги Священного Писания, устойчивые разновидности которых были перенесены из Византии в славянскую среду, а затем из Болгарии, а, возможно, частью и из Моравии перешли на Русь.

Из Нового Завета - это, кроме *Евангелия* и *Апостола* (книга Деяний и Послания), также *Апокалипсис*. Последний в византийской практике представлен преимущественно в сопровождении толкований Андрея Кесарийского, возникших, возможно, во 2-й половине V века (76 из дошедших до нас 112 греческих списков X-XIX вв. - Gregory-Aland: 61-202). В славянской среде также был известен преимущественно *толковый Апокалипсис* (18 из 20 списков, содержащих текст книги Откровения Иоанна, имеющихся в числе славянских рукописей XIII-XV вв., находящихся в собраниях СССР).

Перевод самого Апокалипсиса, судя по всему, связан с деятельностью учеников св. Мефодия - "попов-скорописцев", с помощью которых этот первоучитель осуществлял свои переводческие труды, согласно XV-й главе его "Жития" (MMFH t. 2: 159-160) (Алексеев 1988 129-131). Есть филологические основания считать, что перевод толкований был выполнен несколько позже и прибавлен уже к готовому славянскому тексту Апокалипсиса (Алексеев, Лихачева 1987а: 18-20). Этот текст с изъятием толкований, но с сохранением внесенного Андреем Кесарийским деления на слова и главы был использован со-

ставителями ГБ. Редакторы ОБ подвергли перевод Апокалипсиса правке, используя для этого в частности другие его славянские списки (см. статью А.А.Алексеева в настоящем сборнике).

Из ветхозаветных четьих сборников, характерных для Византии в IX в., св. Мефодием и его учениками были перенесены на славянскую почву следующие:

1. *Осьмокнижие* и *Царства* как единый кодекс (что встречается исключительно в русских списках) или как два взаимосвязанных тома. В византийской практике имело место и то и другое, хотя наибольшее распространение имело Осьмикнижие (до нас дошло, иногда в составе Бытие-Судей, 34 рукописи IV/V-XV вв. - Ralfs: 374-377).

Их перевод, сохранивший в Царствах околомефодиевские черты, а в Осьмокнижии вытесненный болгарской редакцией рубежа IX-X в. (Алексеев 1988: 129-130, 134-135), обретя характерные восточнославянские особенности, уже как Пятокнижие, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь и Царств (1-4) был включен в ГБ, а затем с привнесением изменений в целый ряд чтений, отчасти под влиянием южнославянских списков, перешел в ОБ.

2. *Книги пророческие* (XII+IV или XVI пророков). В Византии был распространен как сам указанный тип сборника (29 рукописей VI-XVI вв. дошедших до нас), так в еще большей степени сборники кратких толкований на пророков, в особенности Феодорита Киррского († ок. 457) (сохранилось 62 рукописи IX-XVI вв.) (Ralfs: 424-430, 433-436).

Пророческие книги переводил еще св. Мефодий. В его редакции известны переводы книг пророков Даниила, Софонии, Аггея, Захарии и Малахии. Затем при Симеоне в Восточной Болгарии появляется свой перевод и всех остальных, кроме вышеназванных, пророков с толкованиями Феодорита Киррского (Даниил без толкований). Этот перевод, по-видимому, был предпринят одним лицом в осуществление замысла дать в новом переводе все пророческие книги и толкования Феодорита Киррского на них. Однако книга прор. Иеремии была переведена не в полном объеме (главы 26-45, 52), хотя были переведены Плач и Послание Иеремии, а также книга прор. Варуха, при этом весь труд оборвался после 1-й главы книги прор. Софонии. Поэтому оставшиеся пророческие книги (часть Софонии, Аггей, Захария и Малахия) стали включаться в образовавшийся таким образом сборник в прежнем мефодиевском переводе. Сейчас известно приблизительно 40

списков этого сборника XV-XVI/XVII вв., большая часть которых имеет в качестве протографа список толковых Пророков новгородского попа Упиря Лихого, выполненный в 1047 г. для князя Владимира Ярославича (Алексеев 1988: 128-130, 132-134). Так образовался ставший традиционным для церковнославянской письменности текст пророческих книг, который по удалении толкований и был включен в ГБ с восполнением глав 1-25 и 46-51 книги прор. Иеремии переводом с Вульгаты. Все это, кроме последнего перевода, со сравнительно небольшим числом частных исправлений вошло затем в ОБ.

3. *Книги "премудрости"* (Libri sapientalis), иначе называемые учительными. В полном составе этот тип сборника включает в себя книги Иова, Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, Премудростей Соломоновых и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. В полном своем составе он дошел до нас в 25 греческих списках IX-XVI вв., частью в сборниках смешанного состава – с пророческими или историческими книгами Ветхого Завета (Ralfs: 410-414).

Известно, что славянский текст книг Иова, Притчей, Екклесиаста, Песни Песней и Сираха относится, видимо, к мефодиевским или околомефодиевским (Иов) переводам (Алексеев 1988: 128-130).

Кроме того, в Византии были распространены книги, содержащие *толкования на Иова* (бо́льшая часть из 148 дошедших до нас списков катен[9] на отдельные книги "премудрости" (VII/VIII-XVI вв.) и бо́льшая часть из 91 списка комментариев на них (IX-XVI вв.) (Ralfs: 415-424).

Эти комментарии также переводились и преимущественно с ними книга Иова получила распространение как в южнославянской, так и в древнерусской среде. Особое значение здесь имел послемефодиевский перевод толкований Олимпиодора Александрийского. Славянский текст книги Иова, находящийся в ГБ, а затем с небольшим числом поправок вошедший в ОБ, был извлечен из списка или списков, содержащих также толкования Олимпиодора (Горский, Невоструев: 57-62).

На Руси был также распространен перевод *Песни Песней*, к которому были составлены катены из толкований Филона Карпафийского, Ипполита Римского, Григория Нисского и Псевдо-Прокопия Газского. Именно этот перевод, выполненный здесь в середине XII в. с использованием старого мефодиевского перевода и с некоторыми сокращен

---

[9] ***Катены*** – от лат. catenae "цепи", компилятивные постишные комментарии на книги Священного Писания.

ми, по удалении толкований был включен в ГБ. Однако острожские издатели использовали также и прежний четий перевод Песни Песней, обращаясь к нему в ряде случаев, "как кажется, в связи с недостаточным пониманием греческого текста" (Алексеев 1983: 250).

Что касается остальных книг "премудрости", кроме книги Премудрости Соломоновой (Иов, Притчи, Екклесиаст и Сирах), то они были перенесены из ГБ в ОБ с весьма небольшим числом исправлений.

В свете вышесказанного о сборнике книг "премудрости" определенную проблему представляет отсутствие до времени составления ГБ славянского четьего перевода книги Премудрости Соломоновой. Учитывая, что четий перевод остальных книг "премудрости" дошел до нас в относительно поздних списках, не ранее XIV в., можно было бы предположить, что еще значительно ранее он оказался утрачен. Можно также было бы допустить, что оригинал указанной книги отсутствовал в сборнике, который был в распоряжении переводчиков, хотя подобного сборника - с отсутствием одной книги Премудрости - среди дошедших до нас греческих рукописей данного типа мы не встретим. Поэтому остается думать, что ее то ли не успели, то ли не стали переводить св. Мефодий и его круг (равно как потом и их последователи в Болгарии), довольствуясь наличным паримийным текстом.

Теперь попробуем ответить на вопрос, почему восходящая к св. Мефодию традиция славянского перевода Ветхого Завета, кроме упомянутых уже книг Есфири и Премудрости Соломоновой, не знает еще таких книг, как Паралипоменон (1-2), Ездры (1-2) и Неемии, Товита, Иудифи и Маккавейских (1-3).

В свете знакомства с греческой библейской кодикологией выдвинутое А.В.Горским мнение о том, что мефодиевский перевод этих книг, - разѣ макавѣи, - оказался утраченным (Горский, Невоструев: III), представляется малоубедительным.

Дело в том, что книги Паралипоменон и Ездры (с Неемией), входившие, как правило, либо в сборник вместе с Осьмокнижием и Царствами - тип *Осьмокнижие + Царства + Паралипоменон* (+ **Ездра**), либо только с Царствами - тип *Царства + Паралипоменон +* **Ездра** (+ *Есфирь*), во время св. Мефодия были распространены в значительно меньшей степени, чем названные выше сборники ветхозаветных исторических книг. Сейчас известно только 6 греческих списков X-XIV вв. первого типа и 6 списков X-XIV вв. - второго (Ralfs: sigl.

121, 127, 134, 246, 346, 527 et 98, 119, 236, 379, 731, 762).

Что же касается остальных ветхозаветных исторических книг - Есфири, Товита, Иудифи и Маккавейских (1-3), то их бытование в Византии было тогда еще более редким. Иногда они встречались в сборниках в сочетании с книгами "премудрости" (известен такой кодекс IX в. - Ralfs: sigl. 542), или же в сборниках, включавших, кроме вышеназванных, еще книги Паралипоменон и Ездры (с Неемией). До нас дошла одна такая рукопись XI/XII века (Ralfs: sigl. 728).

Учитывая, что свв. братья и их ученики, имея целью начальное просвещение славянского населения Моравии и Паннонии, перенесли на славянскую почву традицию о б ы ч н о г о б ы т о в а н и я Священного Писания, богослужебной и другой церковной литературы, остается предположить, что в сообщении XV-й главы Жития Мефодия о том, что первоучитель вместе с "попами-скорописцами" перевел вьсѧ книгы исполнь, разѣ макавѣи (MMFH t. 2: 159-160), под словами разѣ макавѣи, возможно, следует понимать все неизвестные в мефодиевском и в послемефодиевском древнем болгарском переводах ветхозаветные исторические книги, поскольку, являясь их самым крупным разделом (наряду с книгами Паралипоменон), книги Маккавейские могли выступать здесь в роли их обобщающего названия.

Однако в проложном Житии Константина и Мефодия говорится, что последний, находясь в Моравии, прѣложи вьсѧ $\overline{\text{ѕ}}$ книгъ ветхаго и новаго закона (MMFH t. 2: 166). Об этом же упоминает и Иоанн Экзарх, когда в своем предисловии к "Небесам" преп. Иоанна Дамаскина говорит: архиепископъ меѳодии ... прѣложи вса оуставьнаѧ кънигы $\overline{\text{ѕ}}$. отъ елиньска ѧзыка (MMFH t. 3: 377-378). Действительно, исчисление канонических книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета, восходящее к преп. Исидору Пелусиоту (кон. IV - 1-я пол. V в.) и получившее известность в X в. в Болгарии (оно в частности вошло в знаменитый Изборник царя Симеона), было составлено таким образом, что при подсчете их оказывалось 60. Так, в соответствии с иудаистическим каноном, как одна книга здесь считались книги Судей и Руфь, также как и 1 и 2 Паралипоменон, 1 Ездры и Неемии, книга прор. Иеремии и его же Плач. Таким образом насчитывалось 34 ветхозаветные канонические книги. В свою очередь в перечень новозаветных книг здесь не был включен Апокалипсис и последних оказывалось 26 (Шиваров 1988: 57-59). Сопоставление этих данных с приведенными выше фактами и предположениями побуждает усомниться в достоверности сообще-

ний двух замечательных памятников староболгарской церковной литературы.

Славянские просветители не могли иметь полного собрания книг Священного Писания под одним переплетом (или же в нескольких связанных друг с другом томах, образующий единый корпус), потому что Библия как тип кодекса была почти не известна церковной практике в Византии. К этому вели дороговизна материала и письма, неудобство в пользовании, а главное - неодинаковая богословская и литургическая актуальность разных книг Священного Писания.

Первые греческие библейские кодексы появляются в IV веке. Во второй половине этого столетия окончательно устанавливается принятый Церковью канон книг Священного Писания. В этом плане особое значение имело 39-е Пасхальное послание св. Афанасия, архиепископа Александрийского (365 или 367 г.) (PG t. 26: col. 1176), оказавшее решительное влияние на Востоке в отношении признания двадцатисемикнижного состава Нового Завета. По-видимому, с Александрией и вообще с Египтом связано появление и первых полных сводов Священного Писания в едином кодексе или же в двух-трех томах, получивших название *Библия* (от греч. τὰ βιβλία "книги"). Возможно, эти своды, по намерению их составителей, призваны были служить не только выразителями канона священных книг, но и их текстовых норм[10]. Впрочем, последние еще только приобретали устойчивость, что, например, наглядно показывает в случае с Новым Заветом сравнение древних кодексов греческой Библии (IV-V вв.) - Синайского,

---

[10] Существует устойчивое представление, что появление полных библейских сводов связано с инициативой императора Константина Великого († 337), обратившегося после 325 г. к Евсевию Памфилу, епископу Кесарии Палестинской, с просьбой изготовить для нужд разрастающейся христианской общины в Константинополе "50 кодексов, удобных для чтения" (Богдашевский 1907: 311; Dobschütz E. von [1908]: 583). Однако ни в послании Константина, ни в сообщении самого Евсевия об исполнении этого задания ничего не сказано о составе этих манускриптов. Правда, Константин делает одно важное для понимания данных документов замечание. "В этих кодексах, - пишет он, - должны содержаться Божественные Писания, которые, по твоему разумению, особенно нужно иметь и употреблять в Церкви (ὧν μάλιστα τήν τ' ἐπισκευὴν καὶ τὴν χρῆσιν τῷ τῆς Ἐκκλησίας λόγῳ ἀναγκαίαν εἶναι γινώσκεις)" (De vita Constantini, IV. 36 - PG t. 20: col. 1185). Отсюда вытекает, что создававшиеся книги должны были быть ориентированы на литургическое употребление, учитывая то важное значение, которое придавалось в Древней Церкви чтению Священного Писания за богослужениями. В свою очередь, это также предполагало избирательный подход в отношении состава упомянутых книг, который определялся сложившейся практикой церковного учительства, о чем, видимо, было известно Константину.

Ватиканского, Александрийского, Ефрема см.: Nestle-Aland). Поэтому и А.В.Горский постоянно делает сравнения между чтениями в ветхозаветных книгах по изданиям Александрийского и Ватиканского кодексов в поисках редакций оригиналов, лежащих в основе переводов, являющихся источниками ГБ (Горский, Невоструев: 11-123).

В настоящее время известно семь относительно полных списков греческой Библии, относящихся к IV-XV вв.; два кодекса VIII и X вв. являются ее частями; две рукописи V и V/VI в. представляют из себя более или менее крупные остатки библейских кодексов; наконец, один кодекс XIII/XIV в. содержит весь Ветхий Завет без Псалтири (Ralfs: sigl. A, B, S (Gregory: Nr. ℵ), 68 (Gregory: Nr. 205), 106 (Gregory: Nr. 582), 122 (Gregory: Nr. 205^{abc}), 130 (Gregory: Nr. 218); V, 55; C, Z; 46)[11]. Из этой статистики можно исключить два кодекса, созданных в XV в. в Венеции по заказу ревнителя церковной унии кардинала Виссариона, поскольку их появление, несомненно, является следствием прямого влияния католической (латин-

---

[11] *A – Codex Alexandrinus*, V-VIII в. - Лондон, Brit. Mus., Royal 1D;

B – Codex Vaticanus, IV в. - Ватикан, Bibl. Apostol., Vat. gr. 1209;

S (ℵ) – *Codex Sinaiticus*, IV в. - Лондон, Brit. Mus., Add. 43725 - Лейпциг, Univ. Bibl., Gr. 1 (43 л. - 1 Пар., 1 Езд., Есф., Тов., Иер.) - Ленинград, ГПБ, собр. ОЛДП № 0. 156 (1 л. - Иуд., текст смыт), Греч. 2, 259 и 843 (6 обрывков с текстом из Быт., Чис. и "Пастыря" Ермы);

68 (205) – *Библия*, XV в. - Венеция, Bibl. Marc., Gr. 5;

106 (582) – *Библия*, 1334 г. - Феррара, Bibl. Commun., Cl. II - 187 I, II, III и 188 II;

122 (205^{abc}) – *Библия*, XV в. - Венеция, Bibl. Marc., Gr. 6;

130 (218) – *Библия*, XII/XIII в. - Вена, Österr. Nat. Bibl., Theol. gr. 23;

V – 2 части Библии, содерж. Ветхий Завет без Псалтири, VIII в.: *1-я часть* (132 л.) - Ватикан, Bibl. Apostol., Vat. gr. 2106 - *2-я часть* (164 л.) - Венеция, Bibl. Marc., Gr. 1;

55 – часть Библии (Осьм., Цар., Пар., Езд., Иуд., Есф., Тов., Макк. (1-4), Иов, Псалтирь с песнями Св. Писания, X в. - Ватикан, Bibl. Apostol., Regin. gr. 1;

Z – Codex Zuqninensis, переписывался в нитрийском монастыре Зукнин (Египет) = Z^{i}: Суд. (VI в.), Z^{ii}: 3 Цар. (VI в.), Z^{iii}: 3 Цар. - фрагменты (V/VI в.), Z^{iv}: Псалтирь (VI в.), Z^{v}: Иез. и Дан. - фрагменты (VI в.) - Ватикан, Bibl. Apostol., Vat. syr. 162 - Ватикан, Brit. Mus., Add. 14665 (7 л.);

46 – Ветхий Завет без Псалтири, XIII/XIV в., из афонского монастыря Дионисиат - Париж, Bibl. Nat., Coislin 4.

ской) традиции Священного Писания (Ralfs: sigl. 68 (Gregory: Nr. 205), 122 (Gregory: Nr. 205^{abc})).

Таким образом, во времена свв. братьев Библия была достаточно редкой книгой на греческом Востоке, являясь либо достоянием крупнейших библиотек, либо собственностью иных отдаленных монастырей Египта и Синая.

Важное значение для греческой библейской кодикологии имел происшедший в IX в. перевод рукописей, содержащих тексты Священного Писания, на м и н у с к у л ь н о е п и с ь м о, применявшееся до тех пор лишь в деловой письменности. Мелкий курсив, заменивший крупные унциальные почерка, позволил при сохранении прежних объемов кодексов заметно увеличить их содержательную насыщенность. Это способствовало формированию более крупных сборников из книг Священного Писания.

Из ветхозаветных исторических книг составился сборник, содержащий их все или почти все, - *Осьмокнижие + Царства + Паралипоменон, Ездра (и Неемия), Есфирь, Товит, Иудифь, Маккавеи (1-3)*. Этот тип дошел до нас восемью рукописями X-XV вв., имеющими данный состав полностью (из них два кодекса смешанного состава: один - в сочетании с Новым Заветом (Ralfs: sigl. 44, Gregory: Nr. 664), другой - с книгами "премудрости" (Ralfs: sigl. 442)), и пятнадцатью (X-XV вв.), имеющими в нем некоторые пропуски (Ralfs: 374-377).

Более радикально переход на курсив сказался на греческой новозаветной кодикологии. Достаточно распространенными мы видим теперь такие типы сборников, как *Новый Завет без Апокалипсиса* (129 списков IX-XVI вв.), а также *Деяния, Послания и Апокалипсис* (69 списков IX-XVII вв.). Последний в сочетании с Четвероевангелием мог составить двухчастный Новый Завет. Наконец, и цельный кодекс *Нового Завета* оказывается теперь не столь редким. В настоящее время известно 34 его списка, датируемых XI-XVI веками (Gregory-Aland: 61-202).

Таким образом, с рубежа X-XI в. "библиотека", то есть собрание всех книг Ветхого и Нового Завета стала, по-видимому, более привычным явлением в монастырских и других книгохранилищах греческого Востока.

Правда, на славянскую книжность это уже не оказало влияния, если не считать некоторых знаменательных исключений.

Так, в середине XIV в. (ок. 1355 г.) на Руси появляется свой

кодекс Нового Завета. Его происхождение обычно связывается с именем св. Алексия, митрополита Киево-Московского и Всероссийского.

Текстологические особенности этого памятника, требующего еще своего серьезного и всестороннего исследования, свидетельствуют о влиянии здесь новых южнославянских списков Евангелия и Апостола. Последнее наводит на мысль, что этот кодекс Нового Завета мог быть создан в Константинополе, бывшем в то время крупным центром славянской книжности. Интересен и другой характерный момент: как раз на XIV в. приходится наибольшее число известных ныне греческих кодексов Нового Завета (15 списков из 34) (Metzger 1981: 54). Несомненно, что либо святитель Алексий, либо кто-то из современных ему русских книжников взял за образец этот тип сборника в Константинополе.

Соединению в одном кодексе полного собрания новозаветных книг способствовало и то, что с середины XIV в. в славянской письменности начинает господствовать п о л у у с т а в, вытеснивший письмо уставом. Новый более компактный вид письма позволил экономить писчий материал (пергамен, а с XV в. бумагу) и увеличивать содержательную насыщенность книг. Полууставом была написана впоследствии и ГБ. На него ориентировался диакон Иоанн Федоров, когда создавал шрифты для острожских изданий.

Однако Новый Завет, хранившийся до 1918 г. в Чудовом монастыре в Московском Кремле[12], так и оставался на Руси в своем роде единственным памятником. Полных списков с него как кажется, не делали. Известны лишь две рукописи Четвероевангелия XIV и XV вв. (Евангелие преп. Никона, игумена Радонежского - ГБЛ, Троицкое собр., III № 6/М.8652 и Евангелие из собрания графа Ф.А.Толстого "Октава-1" - ГПБ, О п I 1) и три рукописи Апокалипсиса XV в. (ГПБ Q п I 6; ГБЛ, Троицкое собр., № 710; ГБЛ, собр. В.М.Ундольского, № 1) (Алексеев 1988: 135-136), текст которых принадлежит той же редакции, что и Чудовский Новый Завет. Очевидно, что господствовавшая в XIV-XV вв. на Руси типология новозаветных рукописей Евангелия, Апостола и Апокалипсиса представлялась еще наиболее оптимальной.

С упомянутым памятником был, вероятно, знаком архиепископ Геннадий, бывший до занятия в 1484 г. Новгородской кафедры игуме

---

[12] Современное местонахождение неизвестно.

ном Чудова монастыря (с 1472 г.). Это знакомство могло в некоторой степени подготовить его к последующему восприятию идеи Библии как полного свода книг Священного Писания в одном кодексе.

Другим интересным памятником славянской письменности, создатель которого, возможно, также испытал влияние современной ему греческой библейской кодикологии, является болгарский сборник 1350-1370-х гг. (ГПБ, F I 461), включающий в себя книги *Царств + XVI пророков с толкованиями + "премудрости"* (кроме Екклесиаста и Премудрости Соломоновой). Такой сборник в сочетании с Осьмокнижием и Псалтирью должен был охватить почти весь корпус славянского перевода Ветхого Завета. Правда, кодекса с таким же набором ветхозаветных книг среди дошедших до нас греческих рукописей мы не встретим[13]. Однако сама идея объединения в одном кодексе разных типов сборников книг Ветхого Завета была к тому времени достаточно известна греческим книжникам, об этом же мог знать и их болгарский коллега.

Латинская традиция Священного Писания и связанные с ней его национальные европейские традиции представлены как в ОБ, так и в ее геннадиевском прототипе, прежде всего, самой идеей объединения всего корпуса священных книг в едином кодексе.

Если считать 1492-1493 гг. началом работы геннадиевского кружка, то станет понятно, что эта идея могла быть внесена либо монахом-доминиканцем Вениамином (хорватом по происхождению), либо еще ранее новгородским толмачем Димитрием Герасимовым, либо еще каким-то путем, естественным при налаженных отношениях Новгорода с ганзейскими городами. Наличие западных источников ГБ (изданий Вульгаты и немецкой Библии) можно связывать, например, с появлением в Новгороде в 1493 г. любекского уроженца Варфоломея Готана (Ghotan), трудившегося на Руси в качестве переводчика и писателя. Какое-то отношение к деятельности геннадиевского кружка мог иметь и его земляк Николай Бюлов (Bülow) (Miller 1978: 401-402).

В свою очередь в западнорусских землях в XVI в. идея Библии уже не представлялась чем-то необычным. Образованная часть западнорусского общества, конечно же, знала о печатных изданиях Вуль-

---

[13] Среди греческих ветхозаветных сборников смешанного состава можно встретить сочетание книг "премудрости" с книгами XVI пророков (XII в. - Ralfs: sigl. 311), к которым могли подсоединяться Псалтирь (XIII в. - Ralfs: sigl. 613) или малые исторические книги Есфирь-Маккавейские) (XIV в. - Ralfs: sigl. 631).

гаты, о полиглоттах, об изданиях чешской и польской Библий. Не могла пройти мимо внимания западнорусских книжников и попытка создать, хотя и не под одним переплетом, "Вивлию руску", предпринятую в 1517-1519 гг. доктором Франциском Скориною.

Постараемся выяснить, какие характерные черты латинской традиции Священного Писания были перенесены на русскую почву, а через это и в среду церковнославянской литературы, посредством сначала ГБ, а затем и в большей степени ОБ.

Хотя печатная Библия Гутенберга и последовавшие за ней издания Вульгаты, немецкой и других национальных Библий Европы и, наконец, полиглотт не явились кодикологическим новшеством, доступность Священного Писания в его полном объеме теперь значительно возросла. То, что Иоганн Гутенберг и его последователи обратились к Библии как к форме хранения и употребления Священного Писания, отражало тот факт, что церковное и культурное развитие Западной Европы вывело ее на ведущее место, отвечающее задачам схоластического богословия и разросшейся школы, а также сознанию личного христианского благочестия.

Первые латинские Библии появились довольно рано. Известно, что уже *Кассиодор* (ок. 490 - ок. 583) имел девятитомную "библиотеку", содержащую полный древнелатинский (Vetus Latina) перевод Священного Писания и небольшого формата кодекс, содержавший латинский текст Ветхого Завета с правкой бл. Иеронима, выполненной по Гекзаплам Оригена.

Сама традиция "библиотеки" восходит, по-видимому, к создателю Вульгаты блаженному *Иерониму Стридонскому* (330-419), придавшему такую кодикологическую форму своему переводу. Правда, на латинском Западе в литургическом употреблении, также как и на греческом Востоке, применялись лекционарные сборники Писания (бревиарии). Среди ветхозаветных рукописей здесь также заметно преобладала Псалтирь, а среди новозаветных - ведущее место принадлежало Четвероевангелию (Berger 1893: 374-422 - Appendice VI). Однако формирование богословия как всесторонне развитой системы и школьной науки ориентировало латинских схоластов именно на "библиотек

В раннее средневековье, в период, когда трудился один из ярких представителей развивавшейся схоластики *Григорий Турский* (53 594), Библия еще циркулировала как собрание отдельных томов священных книг. Только очень немногим церквам удавалось тогда иметь

цельные кодексы Библии, а некоторые, возможно, не обладали и полной "библиотекой" (Berger 1893: 3).

Но в IX в. ситуация стала меняться. Переход от маюскульного письма к минускульному привел к значительно более широкому распространению 2-х - 3-х - 4-х-томных Библий, а то и цельных библейских кодексов.

Большая заслуга здесь принадлежит выдающемуся латинскому библеисту *Алкуину* (735-805), уроженцу Йорка, трудившемуся по приглашению Карла Великого во Франции, где он состоял аббатом монастыря св.Мартина Турского, над исправлением латинского текста Священного Писания. На Рождество 801 г. он преподнес императору кодекс с реконструированным им текстом Вульгаты. В течение IX в. в созданной Алкуином Турской школе был создан ряд копий этой реконструкции, представлявших собою цельные Библии. Наиболее известными из них являются Codex Vallicellianus, хранящийся в римской церкви Santa Maria in Vallicella, и кодекс известный под названием Библии Карла Великого, находящийся ныне в Британском музее в Лондоне (Brit. Mus., Add. 10546) (Kenyon 1897: 181-183).

До нас дошло 280 списков латинской Библии, относящихся к VIII-XVI вв., созданных в разных западноевропейских странах, но главным образом во Франции и Германии. Интересной их особенностью является заметная вариантность расположения в большинстве из них священных книг, хотя и при следовании традиционным принципам их помещения в каноне (Berger 1893: 331-342 - Appendice I).

Характерный тип двухтомной сорокадвухстрочной Библии и был в 1452-1455 гг. воспроизведен в Майнце Иоганном Гутенбергом. Ее первый тираж составлял 30 экземпляров на пергамене и 120 на бумаге (Partet 1966: 220-221).

Ко времени подготовки острожского издания положение Библии в духовной и культурной жизни Западной Европы определялось уже тем, что ее лютеровский немецкий перевод, вышедший двухтомным изданием в 1534 г. в Виттенберге (из его состава были исключены неканонические книги Ветхого Завета), провозглашался "народной книгой", под знаменем которой осуществлялась Реформация. В свою очередь, хотя в декретах четвертой сессии Тридентского собора (апрель 1546 г.), признавших каноническое достоинство так называемых "второканонических книг" Ветхого Завета и канонизировавших Вульгату как самодостоверный текст для Католической Церкви, и употребляется термин

Священное Писание (Sacra Scriptura), в других сборных документах (например, в конституции De libris prohibitis) последнее уже именуется также Sacra Biblia (Concil. Trident.: 25-30, 474-476).

Говоря о Вульгате (и немецкой Библии) как об источниках первой славянской Библии, необходимо отметить, что геннадиевский кодекс, а вслед за ним и острожское издание максимально опирались на собственные славянские ресурсы как в плане самих библейских текстов, так и вспомогательного материала (предисловия, сказания о писателях священных книг, деление текста и т.д.), который в значительной степени отражал византийскую традицию Священного Писания. Таковым в ГБ были краткие сказания о пророках (Данииле и малых, кроме Аггея, Захарии и Малахии) Дорофея Тирского и Епифания Кипрского. Но особенно ярко это сказалось здесь в Новом Завете. Тут и Послание Евсевия Кесарийского Карпиану, обычно помещаемое в древних рукописях перед началом Четвероевангелия, и предисловия к каждому евангелисту Феофилакта Болгарского, затем предисловия Евфалия-диакона к книге Деяний, соборным и Павловым посланиям (все это перешло затем в ОБ) и, наконец, сказание Андрея Кесарийского об Апокалипсисе и его оглавление к этой книге, а также некоторые другие материалы.

В связи с этим важно отметить, что восемь десятилетий спустя Герасим Смотрицкий, готовя так называемые дополнительные статьи к ОБ - стихотворение к гербу князя К.К.Острожского, предисловие от его имени, Прѣсловїе къ бл҃говѣрномъ, и православномъ всѧкаго чина, вѣраста же и сана, читателеви или же врата въ книгѣ и, наконец, шестидесятистрочное стихотворение, - использует традиционный в славянской среде церковно-учительный материал - "Слово на еретики" замечательного болгарского писателя X в. Козьмы-пресвитера (Колосова 1987: 174-180).

Что же касается изданий Библий латинской и немецкой, которыми пользовались новгородские книжники, то они имели значение вспомогательного источника, прежде всего, для перевода недостающих ветхозаветных книг или их частей. Кроме того, из Вульгаты и немецкой Библии были заимствованы предисловия ко всему своду книг Священного Писания, что и понятно, поскольку византийско-славянская традиция ничего подобного не знала. Но что еще важнее, Вульгата имела для новгородских библеистов значение коррелятива при некоторых исправлениях текста и при оформлении раздела, содержа-

щего Ветхий Завет (что потом нашло отражение и в ОБ). Так, в соответствии с Вульгатой 1 и 2 книги Царств были поименованы книгами Самуила; по Вульгате был пополнен перевод и приведены в соответствующий порядок некоторые чтения книги Притчей; в книгах Премудрости Иисуса, сына Сирахова и пророка Иеремии в соответствии с Вульгатой были определены границы и порядок глав (Горский, Невоструев: 135-137).

II

Теперь несколько слов необходимо посвятить предпосылкам создания ОБ.

Здесь нужно упомянуть С у п р а с л ь с к и й с б о р н и к, писавшийся в 1502-1507 гг. (БАН, 24.4.28) сначала в Вильне, а затем в Супрасльском монастыре благочестивым дворянином Матфеем Десятым (он был десятым ребенком в семье). В приписке к своему сборнику Матфей сообщает, что родом он был из Торопца, его родители, братья и сестры удалились, каждый своим путем, в монастыри близ Полоцка, Вильна и Новгорода, в то время как сам он находился в миру на княжеской службе. И вот в конце дней взамен монашеских подвигов он решил написать книгу и оставить ее в том монастыре, в котором скончает свои дни (л. 476-477 об.).

Рукопись, явившаяся результатом трудов Матфея, - это попытка создания свода книг Священного Писания на материале наличного рукописного фонда русской монастырской библиотеки. Исследователи памятника не исключают, что на Матфея мог оказать влияние предпринятый незадолго до этого опыт книжного кружка архиепископа Новгородского Геннадия (Алексеев, Лихачева 1978: 85-86). Однако, учитывая место создания сборника - Литва и Западная Русь, можно с бóльшей уверенностью предполагать, что идея библейского свода могла иметь и местное происхождение.

Что же составляло источники для Матфея в его предприятии?

Во-первых, *служебные минеи и триоди*, содержащие паримии; затем *сборник Пророков*, соответствующий редакции толковых пророчеств (XII + IV) попа Упиря Лихого (1047 г.); потом *сборник книг "премудрости"* в составе, по-видимому, Притчей, Екклесиаста, Песни Песней, Менандра (который порой включался в подобные сборники) и Сираха; далее следует *Псалтирь*. Новозаветные книги представлены в сборнике полностью в таком расположении: *Четвероевангелие*,

Апокалипсис (без толкований) *и Апостол*. Евангелие и Апостол представляют здесь установившийся в XV в. тип смешанного употребления - последовательное расположение книг и их текстов с обозначением на полях зачал для богослужебных чтений. Кроме того, некоторые книги Священного Писания сопровождаются предисловиями и дополнительными статьями. Сборник также включил в себя Типикон и Месяцеслов (описание сборника см.: Алексеев, Лихачева 1978).

Таким образом, в Супрасльском сборнике 1507 г. содержится полностью Новый Завет, хотя и в непривычном расположении своих отделов. Апокалипсис здесь следует сразу за Евангелием, отделяя от него Апостол. Такое расположение новозаветных отделов встречается также в так называемой рукописи Хваля, написанной в Боснии в 1404 г. (хранится в библиотеке Болонского университета) и содержащей, кроме Нового Завета, также еще и Псалтирь. Интересно, что Супрасльский сборник 1507 г. обнаруживает с ней яркие текстовые совпадения (Алексеев, Лихачева 1978: 80-81).

Ветхий Завет в рассматриваемом сборнике представлен так. П о л н о с т ь ю п е р е п и с а н ы XVI пророческих книг в своем "до-геннадиевском" бытовании (Осия, Иоиль, Амос, Авдий, Иона, Михей, Наум, Аввакум, Софония, Аггей, Захария, Малахия и Исайя, Иезекииль, Иеремия (главы 1 - 13.1, 25.15 - 45 (вся), 52), Даниил); Притчи (с перестановкой некоторых частей текста); Екклесиаст; Песнь Песней; Сирах (с нарушением последовательности с главах); Псалтирь (с большим количеством дополнительных статей). П о л н ы м и п а р и м и й н ы м и р е д а к ц и я м и вошли книги Иова и Премудрости Соломоновой. Наконец, о т д е л ь н ы м и п а р и м и я м и представлены книги Бытия (1-я паримия: Быт. 1.1-13) и Царств (три паримии пророку Илие: 3 Цар. 17.1, 17-40, 42; 19. 1-6, 19-21; 4 Цар. 2.1, 8-14). Вслед за последними идет таблица паримийных чтений на определенные дни церковного года ("Сказание известно иже из Триоди и Минеи глав Паримииника"). Если паримия из Бытия помещена в начале сборника (л. 2 об.), то паримии пророку Илие с указателем паримийных чтений расположены между парамийной редакцией книги Премудрости Соломоновой и Екклесиастом (л. 138-139 об., 140-141).

Как видим, паримийный материал использован Матфеем далеко не полностью. Кроме того, им не использован по какой-то причине сборник типа *Осьмокнижие + Царства*. Однако данный опыт, предпринятый

почти параллельно с созданием ГБ, достаточно показателен.

Но если инициатива Матфея Десятого явилась, по-видимому, лишь частным подражанием русского человека западной форме христианского благочестия, то уже во второй половине XVI в. речь зашла о мероприятии, имевшем далеко идущие последствия для русской духовной культуры. Это время вообще довольно интересно в плане просветительских устремлений ряда представителей западнорусской аристократии. Являясь важной опорой Православной Церкви в Польше и Литве (с 1569 г. Речь Посполитая), они ясно сознавали, что прежде всего необходимо ее внутреннее укрепление перед лицом протестантской пропаганды, с одной стороны, и католической культурной экспансии, с другой. Этой цели служили как школы, обычно создаваемые православными братствами, так и подготовка церковной литературы, осуществлявшаяся благодаря заботам виленского каштеляна Григория Ходкевича, князей Андрея Курбского и Юрия Слуцкого, а позднее и князя Константина Константиновича Острожского. Последний род деятельности дал серьезные попытки культурного синтеза, когда традиционное содержание русской духовной культуры либо обретало новые заимствованные на Западе формы, представлявшиеся более действенными, либо же получало новые, опять же западные, источники (при неимении как своих, так и греческих).

Впрочем, попытки такого синтеза предпринимались и в Московской Руси. Ярчайшим примером этого явилась ГБ, имевшая для себя в определенной части латинский источник, не потому, очевидно, что в кругу архиепископа Геннадия не было знатоков греческого языка. Например, его мог достаточно хорошо знать известный Геннадию и ценимый им как знаток Священного Писания и святоотеческих творений опальный Киевский митрополит Спиридон, родом тверетин, поставленный в 1476 г. Константинопольским патриархом Рафаилом на митрополию в Литву, но не принятый королем Казимиром, а после своего переезда в Москву в 1483 г. отправленный Иваном III в заточение в Ферапонтов монастырь, поскольку получил поставление "в области безбожных турок поганского царя" (†1503?). Небезызвестно было архиепископу Геннадию и имя знатока греческого языка и патристической литературы преп. Нила Сорского (†1508). Однако соответствующие греческие источники оказались к этому времени недоступны в силу затруднительности связей с книжными центрами православного Востока. Не следует забывать и о настороженном отношении

тогдашних московских властей к греческому духовенству, находившемуся под турецким владычеством. Все это привело к тому, что уже в конце второго десятилетия XVI в. преп. Максим Грек не встретил в Москве знатоков греческого языка.

Не удивительно, что когда в конце 60-х гг. XVI в. бежавший из Москвы на Волынь князь Андрей Михайлович Курбский задумал создание "Нового Маргарита" - сборника поучений св. Иоанна Златоуста - в значительно расширенном составе по сравнению с бытовавшими тогда церковнославянскими списками "Маргарита", ему не оставалось ничего другого, как, выучив язык, обратиться к латинскому изданию творений Златоуста, подготовленному Эразмом Роттердамским (1530 г.), как к источнику для своей работы. Латинские издания служили ему источниками и для его переводов "Небес" преп. Иоанна Дамаскина, а также творений свв. Василия Великого и Григория Богослова (Цеханович 1985: 14-24).

Понятно, что Священное Писание во всей его полноте должно было оказаться в центре просветительской деятельности западнорусских магнатов, направленной на укрепление внутренней ограды Православной Церкви, на достижение подлинной просвещенности православного населения польских и литовских владений. Но при этом был взят курс и на максимальное использование собственной церковнославянской традиции Священного Писания, имевшей надежную историческую апробацию. Даже при не слишком интенсивном тогда литературном общении между обеими частями русского этноса сведения о том, что в Москве появились списки с ГБ, все же стали известны в Вильне. В 1561 г. виленский каштелян Григорий Александрович Ходкевич направил в Москву уроженца Каменца Подольского иеродиакона Исайю, человека книжного и богословски достаточно эрудированного, для подбора церковной литературы с целью последующего ее издания. Но главной его задачей являлась доставка списка славянской Библии. Правда, выполнить эти поручения Исайя не смог. Будучи оклеветан перед Иваном Грозным, он провел несколько лет в заточении, а затем так и скончал свои дни в Московском государстве, по всей видимости, в Ростове Великом. После него осталось две челобитные - интересные памятники православной богословской мысли своего времени, написанные эрудитом,знакомым с особенностями католической доктрины и латинскими церковноисторическими сочинениями, а также Житие преп. Максима Грека, который, видимо, импонировал автору

общностью их судеб (об Исайе и его сочинениях см.: Абрамович 1913).

Наконец, в середине 1570-х гг. в Остроге возникает славяно-греко-латинская школа или "академия". Она становится не только учебным, но и просветительским центром западнорусских земель. Не случайным оказывается здесь и появление московского первопечатника диакона Иоанна Федорова.

На этот раз московское правительство отнеслось благосклонно к важнейшему мероприятию западнорусских просветителей. Иван Грозный прислал князю К.К.Острожскому список с ГБ, который и лег в основу первого печатного церковнославянского библейского кодекса.

Важное значение для работы острожских библеистов имело и то, что ко времени их деятельности имелось уже несколько изданий греческой Библии, начиная с Комплютенской полиглотты кардинала Хименеса (Alcala de Henares, 1514-1517) и однотомного венецианского издания Андреа Торрезано, тестя знаменитого типографа Альда Мануция (1518 г.), которые впоследствии переиздавались. По мнению исследователей, в текстах ОБ обнаруживается знакомство как с комплютенской (алкальской), так и - преимущественно - с альдинской (венецианской) рецензиями греческой Библии (Алексеев 1985: 116).

III

Посмотрим теперь, каково же значение ОБ в истории богословской мысли в православных славянских землях.

Если ГБ, не считая включенных в нее специально переведенных с латыни недостающих ветхозаветных книг, представляла собою простую фиксацию наличного актуального текста Священного Писания в церковнославянском переводе, то в ОБ этот текст претерпел правку, порой весьма значительную. Научное издание славянского перевода Священного Писания, первый этап которого мог бы быть выполнен по текстам ГБ и списков с нее, а также ОБ, позволило бы полностью выявить и оценить качество этой правки как с филологической, так и с богословской точек зрения.

Здесь же сейчас можно привести один, впрочем, достаточно показательный пример правки острожскими книжниками наличного евангельского текста, кстати, не нашедший отражения в "Описании" А.В.Горского.

Речь идет о прологе Евангелия от Иоанна (1.1-18), являющемся важнейшим в доктринальном отношении местом Нового Завета и составляющем литургийное чтение первого дня Пасхи (Ин. 1.1-17).

Из славянских переводов разных отделов Священного Писания текст перевода Евангелия имеет самую сложную историю в плане своей типологии и текстологии. Она - свидетельство как изменений лингвистической ситуации в церковнославянской литературной среде, так и прогресса литургической жизни и богословской мысли в славянских землях. Путь последнего в отношении евангельского текста - часто читаемого и наиболее комментируемого - проходил от достаточно свободной передачи начального перевода с его вариантами к ее нарастающей буквализации в последующих редакциях. Объяснением такого явления могут служить те обстоятельства, что если на начальном этапе славянского просвещения перед переводчиками стояла задача максимально приблизить евангельское повествование пониманию людей, еще не имевших достаточной богословской культуры, в особенности раскрыть для них практический смысл спекулятивных выражений, для чего использовались даже элементы парафраза, то в дальнейшем, по мере усвоения славянскими книжками экзегетической литературы, у последних могло появляться стремление к буквальной передаче выражений, смысл которых им и без того представлялся ясным. Правда, этот процесс шел исторически неравномерно и был далеко не последовательным в своих результатах (см.: Иннокентий Павлов 1987: 3-17).

Ту редакцию, которая была выработана в первой половине XIV в. южнославянскими книжниками и оказалась господствующей в русских списках XV в., завершив тем самым рукописную традицию славянского Евангелия (она-то и представлена в ГБ), исследователи славянского перевода Священного Писания и литературного языка Древней Руси сравнивали на примере *Ин. 1.1-3* с тем чтением, которое содержится в Остромировом Евангелии 1056-1057 гг. (ГПБ, F п I 5) и в ряде других южнославянских и русских рукописей XI-XIV веков (Ильминский 1882: 33-35; Соболевский [1889], 1980: 24).

Указанное место в этой древнейшей из дошедших до нас датированных славянских рукописей Евангелия (краткий апракос) читается так: **Искони бѣ слово и слово бѣ отъ бг̃а. и бг̃ъ бѣ слово + се бѣ искони оу бг̃а**[14]

---

[14] Хотя это чтение Ин. 1.2 было довольно распространенным (например, оно

и тѣмь вса бъіша + и без него ничьтоже не бъість · иже бъість +//.

Это место в ГБ читается: Въ началѣ бѣ слово · и слово бѣ къ бо̃у · и бъ̃ бѣ слово · се бѣ искони къ бо̃у. Всѧ тѣмь бъіша · и без него ничтоже бы̑і, еже бы̑і · // греческий текст: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ λόγος, καὶ ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν, καὶ θεὸς ἦν ὁ λόγος. οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν θεόν. πάντα δι ̓αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἕν, ὃ γέγονεν.

Обращает на себя внимание, что начальное ἐν ἀρχῇ четвертого Евангелия передано в кирилловском переводе не буквальным въ началѣ, а посредством наречия искони (конь "начало"), призванным выявить практический смысл спекулятивного выражения. Указывая на этот пример, А.И.Соболевский писал: "Переводчики (свв. Кирилл и Мефодий и их ближайшие ученики - И.И.), передавая греческие слова и выражения по-славянски, не стремились к буквальности, не старались передать оригинал слово в слово, но заботились прежде всего о передаче смысла и об удобопонятности" (Соболевский [1889], 1980: 24).

В свою очередь современный кирилломефодиевист Е.М.Верещагин видит в терминообразовании λόγος = **слово** - "перенос на славянскую обиходную лексему греческой философской семантики" (Верещагин 1982: 31-32).

Впрочем, замечательным в плане богословского осмысления *Ин. 1.1-2* представляется здесь чередование предлогов в аналогичных предложениях: ... **слово бѣ отъ бо̃** - **се бѣ** ... **оу бо̃**. Очевидно, что первый из них не соответствует греческому πρός + *винит. падеж*, однако указанная интерпретания: **отъ бо̃** - **оу бо̃**, позволяет переводчику доходчиво передать главную мысль Иоаннова богословия, заключенную в стихах 1-2: λόγος-**слово** есть превечное и ипостасное откровение Бога-Отца, единосущное Ему в своей божественности и являющее нам совершенную любовь как образ бытия Божия.

Еще одним примером интерпретации смысла греческого библейского термина в соответствии с традицией патристического экзегезиса может служить передача прилагательного μονογενής как **иноумадзіи** (**ѥдиноумадзіи**) в Ин. 1.14 и 18.

встречается в древнейшей известной рукописи полного апракоса - Мстиславовом Евангелии /до 1117 г., ГИМ, Синодальное собр., № 1203/, и в ряде других списков различных типов), большинство рукописей славянского Евангелия XI-XII вв. и часть списков XIV в. дают здесь вариант: **отъ бо̃**, в достижение единообразия с соответствующим чтением Ин.1.1.

С чисто филологической точки зрения исследователей также восхищало использование двойного отрицания в Ин. 1.3 при передаче: ἐγένετο οὐδὲ ἕν = ничьтоже не бысть, как "составляющего коренную принадлежность славянского языка" (Ильминский 1882: 35; Соболевский [1889], 1980: 24).

Теперь обратимся к той редакции, которая представлена в ГБ. Искони заменено здесь в Ин. 1.1 буквальным въ началѣ, при этом в Ин. 1.2 сохраняется привычное словоупотребление[15].

Также с XIV в. термин μονογενής в Ин. 1.14,18 и др. передается уже буквальным единородный.

Однако в остальном редакторы не были удачливы в своих исправлениях.

Передача πρός + *винит. падеж* в Ин. 1.1-2: къ бо҃у - къ бо҃у, - учитывает наиболее употребительное значение греческого предлога, но она не убедительна в данном контексте и являет собой чистый буквализм.

Суровой критике исследователи подвергли калькирование греческого оригинала в Ин. 1.3: и без҄ него ничтоже бы҃с҃ (аналогичное отсутствие двойного отрицания в Ин. 1.18), - усмотрев в этом нарушение церковнославянской литературной нормы (Ильминский 1882: 35; Соболевский [1889], 1980: 24).

Мы не случайно остановились на этих примерах, поскольку пролог Евангелия от Иоанна подвергся в ОБ частной правке в первых двух стихах.

Буквализм с использованием предлога къ (къ бо҃у - къ бо҃у) был исправлен на адекватную передачу: ὁ λόγος ἦν πρὸς τὸν θεόν = слово бѣ оу҃ ба҃. Вероятно, здесь мог сказаться известный острожским книжникам опыт чешской и польской Библий, следовавших латинской передаче: Verbum erat apud Deum. Во всяком случае, некорректность передачи предлога в Ин. 1.1-2, согласно господствовавшей редакции оказалась для них очевидной.

В остальном текст рассматриваемого нами пролога не претерпел изменений в ОБ.

Интересно отметить, что московские издатели Библии 1663 г. вернулись в Ин. 1.1-2 к чтению ГБ, привычного для них в связи с

---

[15] В некоторых южнославянских списках Евангелия XIV в. в Ин. 1.2 также встречается единообразная передача - въ началѣ.

его господствующим положением в известных им рукописях и печатных изданиях.

Характерным показателем подхода острожских издателей к тексту Священного Писания может служить известный библейский параллелизм Быт. 1.1 - Ин. 1.1. В ОБ первое предложение книги Бытия приводится в принятом тогда традиционном чтении: Исконн сътвори бъ нбо и зем-лю. Как видим, здесь не ставилась задача достижения лексического единообразия в передаче Быт. 1.1 и Ин. 1.1. В связи с этим интересно отметить, что уже древнеболгарский толковый текст, восходящий к X в., давал чтение: въ начало сътвори, - равно как и параллелизм к нему: въ начало бѣаше (Иоанн Экзарх. Шестоднев: 10а 6-7, 13-14, 15-16). Однако в паримийниках и четьих сборниках сохранялось известное древнейшее чтение Быт. 1.1. Очевидно, меньшая употребительность указанных книг в сравнении с Евангелием, равно как и значительно меньшая распространенность соответствующих комментариев и явились причиной указанной консервации.

Следует сказать, что исторические судьбы славянского перевода Священного Писания являют довольно интересную картину. Так, самая употребительная его часть - Псалтирь - дошла до конца XV в., войдя в ГБ, а затем с малым числом поправок и в ОБ, практически в своей начальной редакции. Последнее, по всей видимости, связано с тем, что ее древний текст "чист, ясен, верен греческому подлиннику, хотя не рабски следует ему" (Горский, Невоструев: 63). Таким образом, он удовлетворял и южнославянских книжников-реформаторов XIV века.

Но в чем же состоит значение ОБ для славянской традиции Священного Писания?

Прежде всего оно состоит в восприятии западнохристианской формы благочестия с целью восхождения на новую ступень в духовном и культурном развитии православных славянских народов. Распространение ОБ по славянским землям и ее московское переиздание в 1663 г. явились показателями нового типа бытования Священного Писания в церковнославянской литературно-языковой среде, предполагавшего создание собственной богословской школы и прогресс церковной мысли.

А.А.АЛЕКСЕЕВ

МЕСТО ОСТРОЖСКОЙ БИБЛИИ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ТЕКСТА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

Основой идеологии средневекового общества являлась Библия, и тексты ее занимали центральное место в структуре письменных жанров той эпохи. Именно Священное Писание у многих европейских народов было первым письменным памятником, знаменуя начало исторического периода и конец доисторического, бесписьменного. Через усвоение Священного Писания каждый новый народ становился полноправным членом цивилизованной ойкумены. Библейские тексты давали единственный по богатству и почти неисчерпаемый материал для создания оригинальных литератур, успешно соперничая на этом поприще с фольклором. Они служили лингвистическими образцами при создании других текстов как переводных, так и оригинальных и придавали характерный облик литературным языкам средневековья. При отсутствии каких бы то ни было форм языковой кодификации они обеспечивали стабильность и неизменность литературных языков на протяжении длинной цепи столетий. С библейских текстов началась история европейского книгопечатания и книгопечатания почти у каждого европейского народа. Эти тексты в форме переводов дают незаменимый материал при изучении культурной, литературной и языковой истории многих народов и обществ.

Таким образом, для того чтобы оценить культурно-историческое значение первой печатной славянской Библии - ОБ, необходимо прежде всего выяснить ее место в текстологической истории славянского текста Священного Писания, то есть ответить на вопросы:

1) какое место занимает тот текст, который содержит ОБ, в истории славянских библейских текстов;

2) как этот текст принял свою известную нам форму, иначе говоря, каковы были методы филологической работы острожских издателей;

3) какое значение сохраняется за текстом ОБ в истории Священного Писания у славян.

Этими вопросами мы и займемся в настоящей статье.

Со времени появления у славян библейских текстов в 863 г. и до конца XV в. Священное Писание было представлено в трех своих

зновидностях: служебной, четьей и толковой.

Служебные тексты предназначались для церковно-богослужебного отребления. Они охватывали Псалтирь, Паримийник (сборник отрывов из книг Ветхого Завета), новозаветные лекционарии (Евангелие-ракос и Апостол-апракос), а также Четвероевангелие и Апостол, риспособленные с помощью ряда помет к служебному употреблению.

Четьи тексты - это собственно полные неслужебные тексты той или другой книги Священного Писания. Они объединялись в группы по тематическому признаку. Получили распространение сборники Пятокнижия (на Руси) и Осьмокнижия (в последних к пяти книгам Моисея прибавлялись книги Иисуса Навина, Судей и Руфь). В составе Хронографа у восточных славян к Осьмокнижию также прибавлялись исторические книги Царств и Есфирь. Но книги Царств известны и в отдельных списках. Менее устойчив был характер сборников, объединяющих книги Премудростей, то есть книги Иова, Притчей, Екклесиаст, Песнь песней, Иисуса Сирахова. Книги Пророков, переведенные в свое время Мефодием, были утеряны и вытеснены собранием 16 пророческих книг с толкованиями. Списки Нового Завета в полном составе представляли собою большую редкость, обычно Четвероевангелие, Апостол Апокалипсис переписывались по отдельности.

Толковый тип представлял библейские тексты в сопровождении толкований из сочинений отцов и учителей Церкви - раннехристианских писателей, византийских экзегетов IV-V вв. и их последователей более позднего времени. Наибольшее распространение из толковых текстов получили уже упомянутые 16 пророков с краткими толкованиями Феодорита Киррского, Псалтирь с толкованиями Исихия Иерусалимского (в славянской традиции эти толкования приписываются Афанасию Александрийскому), книги Иова с толкованиями Олимпиодора Александрийского, Песнь Песней с толкованиями Филона Карпафийского, Ипполита Римского и Григория Нисского, Евангелие с толкованиями Феофилакта Болгарского, Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского. Выделение толкового типа как особой текстовой разновидности Священного Писания связано с тем, что в первые столетия христианства у славян вся экзегетика была переводной. Лишь в редких случаях богословские комментарии переводились отдельно и прибавлялись к наличным библейским текстам. Обычно при переводе толкований заново переводился и толкуемый текст, что приводило к возникновению новых разновидностей библейского текста.

Таким образом, Библии как полного кодекса всех книг Священного Писания южнославянское и русское средневековье не знало. Однако и большой необходимости в ней не было: церковно-литургическим потребностям удовлетворял служебный тип текстов, целям катехизическим и проповедническим - толковый тип. Частное домашнее чтение библейских текстов было мало распространено в среде мирян. Полные кодексы Священного Писания получили незначительное применение и в Византии, где являлись редкой принадлежностью больших библиотек. Зато в римско-католическом мире полный кодекс латинского текста Вульгаты получил широкое распространение и воспринимался как основная кодикологическая форма Священного Писания (см. также: Алексеев, Лихачева 1987 б).

Первый *полный библейский свод* у славян был составлен в Новгороде в 1499 г. при архиепископе Геннадии, почему и получил название Геннадиевской Библии. Составители ГБ собрали все известные и доступные им славянские библейские тексты, расположили их и разбили на главы по образцу печатной латинской Вульгаты, а недостающие в славянской письменности тексты перевели с той же Вульгаты.

Наконец, в отношении самого характера библейских текстов необходимо отметить, что в ту историческую эпоху, когда книгопечатание не было известно и копирование текстов осуществлялось вручную, стабильность и стандартность текстов имела известные пределы. Между двумя списками одного и того же произведения всегда были различия, и к этому явлению писатели, переписчики и редакторы волей-неволей должны были относиться с большой долей терпимости. При переводе текстов с одного языка на другой возникали условия для еще большего расхождения между собой иноязычных версий одного произведения. Вместе с языковыми и стилистическими факторами здесь действовали местные этнические и религиозные традиции, накладывая свой отпечаток на форму и даже содержание текста. Учитывая это, редакторы при возможности проводили сверку переводов с оригиналами, внося новое количество вариантов в текст и расшатывая тем самым его стабильность. Существовали, однако, и средства надзора за стабильностью текстов. Одной из наиболее действенных мер было установление контролируемой текстологической традиции, для осуществления чего переписчики при копировании текста пользовались сразу двумя, тремя или бо́льшим числом оригиналов (антиграфов). Сверяя их между собой, они в случаях разногласия между источниками отда-

вали предпочтение либо тому варианту, какой был представлен большинством источников, либо тому, какой по смыслу казался более удовлетворительным. Из библейских текстов контролируемая традиция была установлена для служебного типа, поскольку богослужение, естественно, нуждалось в стабильных текстах. Четьи и толковые тексты переписывались с большей свободой, и между отдельными списками нередко можно обнаружить значительные расхождения.

Работа острожской комиссии над выработкой текста для издания должна была поставить ее перед этими текстологическими проблемами, вытекающими из исторических условий существования всякого рукописного текста и в частности текста Священного Писания. Вот эти проблемы, как они перечислены в предисловии к ОБ:

1) славянским народам не было известно полное собрание ветхозаветных книг на церковнославянском языке, однако из Москвы издателям удалось получить полную Библию, ѯ греческа языка ... множае пати сотъ лѣтъ на словенскiи преведенью еще за великаго владимера, крьтившаго землю рускыю//;

2) дополнительно были собраны Библии на других языках;

3) выяснилось при этом, что между ними много разногласий;

4) поэтому были предприняты поиски исправных текстов в греческих, сербских и болгарских монастырях;

5) кроме того, был найден "звод" греческой Библии (LXX), наиболее близкий к еврейскому и славянскому текстам, которому и решено было следовать.

Можно сказать, что с момента своего возникновения научная славистика занялась выяснением того, в какой форме и как отразилось в самом тексте ОБ знакомство ее издателей с этими текстологическими проблемами. Уже патриарху славянской филологии о.Иосифу Добровскому во время работы в московском Синодальном древлехранилище в 1792 г. удалось установить, что присланной из Москвы Библией была одна из копий ГБ (см. подробнее: Михайлов 1912: CLXVIII и сл.). Исследования А.В.Горского, И.Е.Евсеева и других в целом подтвердили это наблюдение И.Добровского. Следовательно, необходимо коротко охарактеризовать текстологические особенности ГБ как основного источника ОБ.

По своему происхождению библейские тексты, входящие в ГБ, составляют восемь групп, которые мы перечислим в порядке их появления на славянской почве (см. подробнее: Алексеев 1988).

1. Псалтирь, а также отрывки из некоторых других книг, переведенные одновременно с Псалтирью в качестве Библейских песен и в составе Паримийника. Перевод этих текстов был выполнен свв. Кириллом и Мефодием в ходе их просветительской миссии у славян.

2. Книги Притчей, Екклесиаст, Иисуса Сирахова, пророков Софонии, Аггея, Захарий и Малахии. Эти тексты появились при переводе св. Мефодием незадолго до кончины в 885 г. основного корпуса священных книг, как об этом сообщает его "Житие". Для перевода этих книг характерна большая свобода в сочетании с точностью и легкостью языка.

3. Книги Царств, Иова, Апокалипсис. В основных своих чертах эта группа близка предыдущей, однако здесь можно встретить ошибки и неточности перевода, а также некоторые языковые черты, характерные для болгарских переводов Симеоновской школы. Эту группу можно назвать околомефодиевской. Предполагается, что переводом этих книг занимались те "попы-скорописцы", о которых упоминает Житие Мефодия как об его помощниках в деле перевода. Позже книга Иова и Апокалипсис были снабжены толкованиями, так что у составителей ГБ были в руках толковые списки и им пришлось провести редакторскую работу по удалению толкований.

4. Книги пророков Исайи, Иеремии, Иезекииля, Даниила, Осии, Иоиля, Амоса, Авдия, Ионы, Михея, Наума, Аввакума. Все эти тексты переведены в Восточной Болгарии в эпоху царя Симеона (893-927). Все книги, за исключением Даниила, снабжены краткими толкованиями из сочинений Феодорита Киррского. Составители ГБ удалили толкования и восполнили большую лакуну в книге Иеремии новым переводом с Вульгаты.

5. Осьмокнижие. Текст этого отдела Священного Писания дошел до нас в болгарском переводе эпохи царя Симеона. Однако непоследовательности в словоупотреблении позволяют думать, что этот перевод вступил во взаимодействие со старым мефодиевским переводом, частью вытеснил, а частью поглотил его. В этом виде Осьмокнижие представлено в ГБ, тогда как в хорватских глаголических бревиариях можно найти отрывки из Осьмокнижия в старом мефодиевском переводе.

6. Есфирь и Песнь Песней. Книга Есфирь переведена с древнееврейского оригинала у восточных славян около 1100 г., судя по языку, скорее всего, в Новгородской области. Как и в древнееврейском

оригинале, текст представлен в объеме первых девяти глав.

В середине XII в. на Руси был сделан перевод Песни Песней с толкованиями Филона Карпафийского, Ипполита Римского и Григория Нисского. Переводчику был известен старый мефодиевский перевод Песни Песней, которым он отчасти воспользовался. Составители ГБ при включении текста в кодекс отбросили толкования.

7. Евангелие и Апостол (Деяния и Послания). Ко времени составления ГБ Новый Завет прошел у славян длинный путь. Краткие новозаветные лекционарии (апракосы) были среди первых текстов, переведенных свв. Кириллом и Мефодием. Затем, вероятно, уже появился перевод Четвероевангелия и Апостола с последовательным расположением полных текстов книги Деяний и Посланий. Появление же полных новозаветных лекционарных текстов, видимо, следует отнести к Симеоновской эпохе. Какую долю в последних двух видах текста Евангелия и Апостола составил первоначальный кирилло-мефодиевский перевод, мы пока с достоверностью не знаем. Со времени своего появления тексты Нового Завета подвергались неоднократным редакциям и подновлениям в ходе сверки с греческими оригиналами. Вместе с тем в XI-XIV вв. менялся характер византийского текста Нового Завета, что отражалось и в славянских списках. В результате с начала XIV в. у славян все большее распространение получает новый текст Евангелия и Апостола, за которым в науке закрепилось условное название "Четвертой редакции". Этот текст формировался в течение длительного времени как извод или текстовой тип. Его стабилизация происходила в ходе сверки различных списков между собой и удаления индивидуальных, единичных текстовых особенностей, представленных в одном каком-нибудь списке. Именно в этой "Четвертой редакции", получившей с середины XIV в. господство в славянском мире, представлены Евангелие и Апостол в составе ГБ.

8. 1 и 2 Паралипоменон, 1, 2 и 3 Ездры, Неемии, Товита, Иудифь, Премудрости Соломона, 1 и 2 Маккавейские, а также Есфирь (главы 10-16) и Иеремии (главы 1-25, 46-51). Все эти книги и части книг не были известны в славянской письменности. Для ГБ они были переведены с Вульгаты доминиканским монахом Вениамином, хорватом по происхождению, в сотрудничестве с новгородскими книжниками в 1493 году. В тексте оставлено без перевода значительное количество латинских слов, чистота церковнославянского языка нарушается также вкраплениями живой восточнославянской речи.

Составители ГБ знали не только полную латинскую Библию, но также и кёльнское издание немецкой Библии 1478 г. (Miller 1978), и чешскую Библию по ее пражскому изданию 1488 года. Их труд можно рассматривать в этом ряду ранних "национальных" библейских сводов. Им не хватало только печатного станка, чтобы придать своей работе широкое общественное значение. Замечательно, что усилия их не пропали даром, и через 80 лет ГБ все же увидела свет, хотя и с переделками, о которых речь пойдет ниже.

Как явствует из текстологической характеристики ГБ, к эпохе великого князя Владимира I она не имеет отношения. Почему же, однако, издатели ОБ дали такую характеристику своему московскому оригиналу? На этот вопрос удовлетворительно ответил в свое время В.М.Ундольский (1870: 9). В большинстве списков толковых Пророков повторяется приписка 1047 г., сделанная новгородским писцом Упырем Лихим, о том, что свой труд по переписке Пророков он предназначил для князя Владимира, то есть Владимира Ярославича из Новгорода (1020-1052). В составе Пророков эта приписка включена и в ГБ (Горский, Невоструев: 112-113). В одной из копий ГБ XVI в.эта приписка расположена в виде скрепы на полях листов (рукопись ГИМ, собр. графа А.С.Уварова, № 652, л. 30-124) (см.: Леонид 1893: 1). Очевидно, что такая приписка, скорее всего в виде скрепы, была и в той копии ГБ, которую получили из Москвы острожские издатели, а они ошибочно отождествили Владимира Ярославича с крестителем Руси Владимиром Киевским.

Некоторые части этого оригинала были изданы в Остроге с самыми незначительными поправками, устраняющими очевидные ошибки и оплошности писцов. Это Псалтирь, Притчи, Екклесиаст, Иов, Премудрости Иисуса Сирахова, Пророки (XVI) и Четвероевангелие. В качестве примера охарактеризуем правку, которая была внесена издателями ОБ в книгу пророка Малахии (4 главы или 55 стихов) при подготовке ее к печати.

Всего текст ОБ в объеме книги прор. Малахии отличается от ГБ в 55 чтениях, но из этого числа в 36 случаях эти свои особенности ОБ разделяет с рукописями XV-XVI вв., привлеченными нами наугад для сравнения (БАН, 24.4.28; ГПБ, F I 3, F I 460, Кирилло-Белозерское собр., № 9/134 - все списки восточнославянские). И поскольку в той копии ГБ, которой пользовались в Остроге, могли быть именно такие чтения, эти 36 - нельзя оценивать как свидетель-

ство филологической деятельности издателей ОБ. Среди этих 36 расхождений мы находим корректные формы в ОБ на месте явных ляпсусов в ГБ (оуниуьлили : оуниужили, правда : неправда, наѧтъ оубогы тоужда : наѧтокъ богомъ ужождиⷨ(ъ), сохранисмь : съхранихомъ и т.п. - чтение ОБ в примерах на втором месте), изменение формы (привѣсте : приведосте, оустнѣ iереови : оустнѣ iереовѣ, б(ого)ви : б(о)гъ и т.п.), пропуск, добавку или замену слова (вы : вы же, и истьлисте : истлисте, раба его : раба моего и т.п.).

Из 19 случаев, не находящих себе параллелей в других списках, то есть обязанных своим появлением, по всей вероятности, острожским исправителям, один представляет простую опечатку (1.4 разарисѧ : разорихсѧ), четыре связаны с нормализацией орфографического облика слова (1.7 скврьньны : скверны, 1.10 възнѣтите : възгнѣтите, 1.11 тьмьанъ Демїамъ, 3.6 измѣнѣюсѧ : измѣнаюсѧ), шесть случаев отражают новое понимание лексико-грамматической нормы (1.8 ти : твоего, 2.1 слышите : оуслышите, 2.13 ѿ трѣдъ : ѿ трѣдовъ, 3.10 скончасѧ : искончасѧ, 3.18 между неработающюю : между неработающаѧ, 4.6 оуражю : поражю). Наконец, в восьми случаях мы имеем дело с попыткой тем или иным путем изменить содержание высказывания: 1.6 вы : на вы, 1.10 ѡ васъ : ѿ васъ, 2.11 и съмѣритсѧ : смиритсѧ, 3.9 вы шбльщаете : бо обольщаете, 4.1 стъблье : нако стеблїе, 4.1 д(ь)нь : д(ь)нь г(осподе)нь, 4.1 не имать : и не имать, 4.1 кореи ни лоза : кореии лоза. Лишь в одном из этих случаев поправка издателей совпадает с греческим оригиналом, но совпадение это вполне случайно: речь идет о прибавке союза и в стихе 4.1; все другие поправки меняют правильное чтение на неправильное. Ясно, что они были введены в текст без обращения к греческим источникам путем рационалистической конъектуры, то есть методом "улучшения" содержания на основе здравого смысла. Поправка тьмьанъ на Демїамъ тоже говорит о том, что греческий текст использован не был, иначе бы в первом слоге не появился гласный е, ср. греч. δυμίαμ.

Незначительны были перемены в книгах 1, 2 и 3 Ездры, Неемии, Товита и Иудифь, переведенных для ГБ с Вульгаты. Оригиналом для Третьей книги Ездры является латинский текст, обозначенный в Вульгате как Четвертая книга Ездры, тогда как греческой версии этой книги не существует. Для остальных названных книг LXX могла бы дать соответствия, но в книгах Товита и Иудифь между латинской и греческой версиями заметно большое расхождение по тексту, тогда

как в книгах 1 и 2 Ездры и Неемии между двумя версиями наблюдаются довольно запутанные соотношения в расположении тождественных текстовых пассажей. Внося поправки в текст книг 1 и 2 Ездры и Неемии, острожские издатели от случая к случаю обращались к греческому оригиналу. При сверке книг Товита, Иудифь и, естественно, 3 Ездры они ограничились Вульгатой.

Иначе обошлись издатели ОБ с другими текстами, также переведенными для ГБ с Вульгаты, то есть с книгами 1 и 2 Паралипоменон, 1 и 2 Маккавейскими, Премудрости Соломона, главами 1-25 и 46-50 книги прор. Иеремии. Местами здесь оставлен прежний текст почти без каких-либо перемен и даже иногда с удержанием ошибок ГБ, местами же текст столь существенно переработан по греческому оригиналу, что нужно говорить о новом переводе. Приведем для примера два пассажа из книги прор. Иеремии, в которых отразилось это различие издательских приемов.

1. Книга пророка Иеремии, глава 10, стихи 2-5 - текст ГБ:

сіа реүс гс̃ . по пѣти нзыкъ не моүите боүитисѧ и ѡ[1] үнаменїи нб̃ныхъ не моүите страшитисѧ иже[2] страшатсѧ нзыцы : иже[3] үаконы людемь[4] сѣтны сѣть . иже[5] древо[6] ѡ̃ листвїа[7] прѣпадет[8] дѣло рѣкы оумодѣлника въ лагирѣ . сребро[9] и үлато[10] бкраси того : гвоздьми и молоты сложилъ да не разоритсѧ . в[$] подобїе финикѣ скована сѣть и не въүгл̃ютъ : //.

Разночтения ОБ: [1] ѡ̃, [2] нже, [3] понеже, [4] людїи, [5] *нет*, [6] *доб.* бо [7] лѣса (de saltu; ἐκ τοῦ δρυμοῦ), [8] высѣкъ (praecidit, ἐκκεκόμενον), [9] сребромъ, [10] үлатомъ .

Как видно, поправки ОБ распространяются лишь на языковые формы (оставлено, впрочем, полногласие молоты попытки привести славянский текст в соответствие с греческим незаметны.

2. Книга пророка Иеремии, глава 47, стихи 2-6:

Текст ГБ	Текст ОБ
се водьı възходѧтъ ѡ̃ сѣвера : и бѫдѫтъ нако потокъ волнбющи: и покрыютъ үемлю и исполенїе ем: градъ и шбители его . възовѫтъ үл̃цьı и възрыдаютъ вси шбитатели үемстїи ѡ̃ топота гордыıнѧ орбжникомъ и бранникомъ его ѡ̃ сдвигненїи колесницъ его и мнжества колесъ его не разъсмотрищѧ	се водьı възыдѫтъ ѡ̃ полбночи, и бѫдѫтъ нако потокъ волнбющїи . и покрыют үемлю, и нже на нем . градъ, и живбщам в[$] немъ възопїютъ людїе, и всплауѫтсѧ вси живбщеи на үемли, ѡ̃ шбма гордости въорбженьı[$], и воинъ его ѡ̃ гремѣнїѧ колесниць его, и множества колъ его не огледаѫбсѧ ѡц̃ьı на сн̃ьı,

шцы сновъ рбкъ беуинныхъ ради пришествїа гна в которомъ испокастатсѧ вси филистимлане и разоритсѧ тиръ и сидонъ съ всѣми шстанкы помощникъ своихъ шбезлюдилъ бо есть гь палестины. шстанцы шстровъ кападокїискыхъ прїиде плѣшь на газамъ бмолуа асколонъ и шстанкы долъ ихъ доколѣ посѣуеши ш меуь гнь доколѣ не покоишисѧ; вниди въ лагалище твое прохладисѧ и оумолуи

опбстивши рбцы пришествїа ради дне, воньже погибнбтъ вси иноплеменници. и размещесѧ туръ и сидонъ, съ всѣми проуими помощники своими · ꙗко испленилъ есть гь палестины, останки острова кападокїиска. прїиде плѣшь на газб, оумолуе аскалонъ, и останки оудолїа ихъ. И доколѣ сѣщи ббдеши ш меую кжїи, и доколѣ не оупокоишисѧ, вниди в ножны своѧ, поуїи и помолуи

Достаточно очевидно, что текст в ОБ представляет собою новый перевод.

В новом переводе с греческого оригинала дана в ОБ книга Есфирь. Ее неканоническая часть (главы 10-16), переведенная для ГБ с Вульгаты, не вошла в печатное издание. Недавно выдвинуто хорошо аргументированное мнение, что для ОБ был использован перевод этой книги, выполненный преп. Максимом Греком (Olmsted, Taube 1987).

Впервые в ОБ появилась еще одна ветхозаветная неканоническая книга - 3 Маккавейская, известная греческой и не известная латинской версии Священного Писания. В предисловии к этой книге острожские издатели указывают, что из доступных им изданий 3 Маккавейская книга находится только в греческой и чешской Библиях. Сопоставление текстов показывает, что перевод сделан с греческого оригинала с использованием в отдельных случаях чешского текста по изданию Мелантриха, впервые вышедшего в 1511 г., а в 1577 г. воспроизведенного в пятый раз (Freidhof 1972: 58-61). Наблюдение И.Е.Евсеева (1916: 92-93), что перевод книги сделан с чешского оригинала так называемой Кралицкой Библии, не получило в его работе надежного подтверждения. К тому же пятая часть Кралицкой Библии, содержащая 3 Маккавейскую книгу, вышла в свет лишь в 1588 году (Флоровский 1946: 244).

Другого рода проблемы ставят перед исследователем те священные книги, которые имели богатую рукописную традицию и представлены в ОБ в переработанном виде. Здесь прежде всего речь может идти об Осьмокнижии, а также об Апостоле и Апокалипсисе. По мнению

И.Е.Евсеева (1916: 79-83, 85, 95), при подготовке к изданию этих книг были использованы дополнительные рукописные источники. Действительно, текст книги Бытия в ОБ отличается от ее текста в ГБ множеством вариантов, среди которых заметную группу составляют такие, которые не известны восточнославянским спискам Бытия, но зато известны южнославянским спискам этой книги, насколько можно судить о распределении этих вариантов по критическому изданию текста, выполненному на основе 26 списков XIV-XVI веков (Михайлов 1900). Приведем для примера перечень всех совпадений ОБ с южнославянскими списками при расхождении с ГБ в объеме Быт. 40.1-11 (вариант ГБ на первом месте): гн҃ъ цр҃ю : гдн҃ъ їхъ цр҃ю, разгнѣвасѧ : и разгнѣвасѧ, ѥведенъ : въверженъ, скꙋпи : съвъскꙋпи, влезѣ : вънїде, вѣста сѧтена : бѣста сѧбщенна, рѣста : ѥсѣ рекоста (в южнослав. списках: рекоста ѥсѣ), чаша винная : чаша фараонова, в рдцѣ фарашни : въ рдцѣ фараонѣ .

Однако убедительность такого рода сопоставлений снижается от того, что рядом мы видим в ОБ немалое число вариантов либо вообще неизвестных рукописной традиции (ср., например, тут же: старѣишина житарескъ : старѣишина житарскъ евнꙋхистъ, дн҃и мншгы : дн҃и нѣкїѧ, рабнчищю: евнꙋхꙋ и т.д.), либо известных как раз восточнославянским рукописям (ср.: видѣста сонъ шбои кожо сонъ их⟨ъ⟩ : видѣста оба кожо ихъ сонъ). Проведенные по всему тексту Осьмокнижия замены слов сбнъ на столпъ, пбсти на посла, пастбхъ на пастырь, требникъ на олтарь, влѣзе на вниде и т.п., которые И.Е.Евсеев (1016: 81-82) рассматривает как доказательство использования при подготовке издания ОБ южнославянских списков, можно с равным основанием оценивать как отражение собственной лингво-стилистической позиции острожских издателей, стремившихся заменить лексику Симеоновской эпохи соответствующей кирилло-мефодиевской терминологией.

Сходные результаты дает сравнение небольшого отрывка текста Апокалипсиса по ОБ и нескольким южнославянским и восточнославянским спискам XII-XVI веков (для сопоставления использованы материалы, содержащиеся в работе: Алексеев, Лихачева 1987а).

Прежде всего выявляется ряд совпадений с группой списков, содержащих особую редакцию Апокалипсиса из так называемого Нового Завета святителя Алексия (см. по этому поводу: Алексеев 1988). В следующих примерах на первом месте приведено чтение ГБ и других списков, на втором - чтение ОБ, совпадающее с Новым Заветом святителя Алексия: 2.1 гл҃а : *нет*, 2.2 не можеши : и нако не можеши,

2.5 аще ли же ни : аще ли ни, 2.10 пріати : пострадати, 2.12 вѣмъ : вѣмъ дѣла твоа, 2.13 мученикъ : свѣдѣтель, 2.17 даmь емоу : дамъ, 2.17 камень бѣлъ драгъ : камень бѣ̃ , 2.19 трьпѣнїе : трьпѣнїе твое, 2.21 любодѣанїа : любодѣиства, 2.23 дамъ единомоу : дамъ вамъ, 2.23 по дѣломъ : по дѣломъ вашимъ, 3.9 ѿ соньма : ѿ сонмища .

С другой стороны, Апокалипсис в ОБ имеет ряд систематических совпадений с группой южнославянских списков, то есть с сербским текстом и текстом хорватского глаголического бревиария. Ср.: 2.1 ходѧ : и ходѧи, 2.6 аꙗ ненавижю: и аꙗ ненавижѳ, 2.10 ничьтоже : ничесоже, 2.13 оубїенъ вами : оубїенъ бысть в ва̃, 2.14 имамъ на тѧ : имамъ на тѧ мало, 2.20 жьртвы : жрътвѳ, 2.24 ѿ них : сатанины, 3.3 и придѳ : пріидѳ на тѧ, 3.10 на вселенѳю всю : на всю вселенѳю .

Из совпадений с другими рукописями особо значительны общие чтения с русским списком середины XVI в. из собрания Ф.М.Плюшкина, № 46 (БАН): 2.9 власфимїа : хѳлы, 2.15 такоже ненавижю : ненавижѳ, 2.18 мѣди ливаньстѣи : мѣди халколиванове, 2.22 се : се аꙗ, 3.1 и мр̃твъ : а мр̃твъ, 3.10 ѿ годины : ѿ годины искѳшенїа. Если учесть, что список из собрания Плюшкина содержит текст, соединяющий в себе особенности как южнославянских списков, так и Нового Завета святителя Алексия (Алексеев, Лихачева 1987а: 14-15), то можно предположить, что издатели ОБ пользовались этими источниками не непосредственно, а через список типа Плюшкина.

Однако, как и в книге Бытия, совпадения ОБ с этими источниками в Апокалипсисе не заходят так далеко, чтобы разделять все особенности того или иного источника, и это обстоятельство вновь подтверждает сомнения, когда приходится оценивать сходные элементы ОБ и славянских рукописей: то ли это сходство обязано заимствованию, то ли оно возникло спонтанно и независимо при переработке текста по греческому оригиналу.

Для получения в этом вопросе надежных сведений необходимо опираться на такой материал, для которого в науке создана текстологическая история, то есть выявлены все переводы того или иного текста, их редакционные переработки, установлена их рукописная история. К настоящему времени достаточно полная текстологическая история создана лишь для Песни Песней, у которой в ОБ совершенно особая судьба. Именно на материале Песни Песней можно полнее и точнее всего описать принципы работы острожских издателей (см. также в связи с этим: Алексеев 1985).

К концу XVI в. славянская письменность обладала следующими текстами Песни Песней.

1. Четий перевод, который своим происхождением, по всей вероятности, связан с деятельностью св. Мефодия. Он сохранился в 21 восточнославянском и 3 южнославянских списках XIV-XVI веков. Между текстами восточнославянских и южнославянских списков есть ряд систематических расхождений, что позволяет рассматривать их как два извода. При цитировании этот текст сокращенно обозначается *ЧП.*

2. Текст в хорватских глаголических бревиариях XIII-XIV вв. восходит к древнему четьему переводу. Вероятно, в середине XIII в. он был исправлен по латинской Вульгате, так что связь его с древним мефодиевским переводом стала менее очевидна.

3. Перевод Песни Песней с толкованиями Филона Карпафийского, Ипполита Римского и Григория Нисского возник в середине XII в. в среде восточных славян. Текст Песни представлен здесь с рядом пропусков. Перевод сохранился в 23 полных восточнославянских списках XIII-XVIII вв., в 7 списках XV-XVI вв. представлен в особой редакционной переработке, при которой были удалены толкования и оставлен лишь библейский текст. К числу 7 списков относится ГБ. Сокращенно этот текст обозначается *ТП.*

4. Песнь Песней с толкованиями Феодорита Киррского в переводе известного деятеля южнославянской книжности Константина Костенецкого, выполненном около 1427 года. Текст сохранился в 7 южнославянских списках XV-XVI вв., из которых 4 содержат Песнь в освобожденном от толкований виде. Сокращенно обозначается *КК.*

5. Восточнославянский перевод Песни Песней с древнееврейского оригинала, сохранившийся в списке XVI в. из Музейного собрания, № 8222 (ГБЛ). Время его появления с точностью установить не удается. Во всяком случае он существовал уже в конце XV в., когда был использован для другого восточнославянского перевода Песни с древнееврейского оригинала. Последний перевод также сохранился с одном списке XVI века (Библиотека Литовской Академии наук, F 19-262

6. Песнь Песней с краткими толкованиями в южнорусском (украинском) переводе XV в. с чешского оригинала, сохранившаяся в списке XV/XVI века (ГИМ, Синодальное собр., № 558).

7. Изданный в Праге в 1518 г. текст Песни Песней Франциска Скорины, представляющий собою перевод с чешской Библии по ее венецианскому изданию 1506 года.

При сопоставлении всех этих переводов с текстом Песни Песней в ОБ с несомненностью выявляется, что в основе последнего лежит толковый перевод (ТП), то есть тот самый перевод, который представлен в ГБ. Правда, издатели ОБ восполнили недостающие стихи и части стихов ТП, а также иногда слегка, а иногда существенно переработали многие другие стихи, так что всего 18 стихов из общего числа 116 стихов полностью совпадают в ТП и ОБ. Эти стихи: 1.8; 2.6,8,12; 3.7; 4.10,15; 5.6,15; 6.9; 7.8-11,12; 8.3,7 (при этом сопоставлении здесь и в дальнейшем мы игнорируем расхождения в орфографии, пунктуации и передаче некоторых флексий - во всем этом ОБ мало зависит от своих славянских источников). Нельзя допустить предположения о случайном совпадении в чтении целого ряда стихов, даже если и верить в принадлежность обоих текстов к одной и той же литературной, языковой и переводческой традиции (что не совсем так, см. ниже). Сомнения на этот счет рассеиваются тем, что в ОБ сохранены и такие особенности ТП, которые представляют собою ошибки перевода, во всяком случае им нет соответствия во всех известных печатных и рукописных источниках греческого текста. Так, ОБ полностью повторяет за ТП стих 1.8: **кони мои въ колесницы фараоновѣ оуподоби тѧ**, - тогда как греческий оригинал дает здесь дательный падеж - τῇ ἵππῳ (ἡ ἵππος "кобылица" или "конница"), что передано корректно в других переводах: **конемъ моимъ** *ЧП*, **коню моемѹ** *КК*. В стихе 8.6: **положиши мѧ ꙗко печать** *ОБ*, - снова повторяется ошибка ТП, в оригинале повелительное наклонение - θές, ср.: **положи** *ЧП*. В стихе 4.9: **оуслаждыи насъ сътвори** *ОБ*, - повторяется буквальный и неудачный перевод ТП (исправляя, однако, местоимение **мѧ** на **насъ** в соответствие с греч. ἡμᾶς), тогда как греч. ἐμαρδίωσας хорошо передано в ЧП: **оуязвила еси сръце наше**.

Расхождения в тексте между списками ТП невелики, но все же можно заметить, что особой близостью к ОБ обладает именно список ГБ. Ср. 3.7: **вси имѣющи оружїѧ наостренни на брань** *ОБ = ГБ*, - тогда как другие списки ТП дают: **набѹвени на брань**.

А.В.Горский и К.И.Невоструев при сравнении Песни Песней по ГБ и ОБ кратко констатировали, что эта книга дана в ОБ "в ином переводе" (Горский, Невоструев: 76). Только рассмотрение текста на фоне всей рукописной и текстологической традиции позволяет отделять случайные совпадения от прямых заимствований, но этого фона у описателей ГБ не было.

Между тем в ОБ нет ни одного стиха, который бы полностью совпал с каким-либо иным славянским переводом даже в тех случаях, когда тот или иной стих отсутствует в ТП. Ср. 2.2: ѥ҃ако кринъ въ терніи, тако искрьнма моа посредѣ дщереи *ОБ*, ѥ҃акоже кринъ посрѣ^{А}⟨ѣ⟩ трънїа, тако искрънѣа моа госрѣ^{А}⟨ѣ⟩ дъщерь *ЧП*, - ср. также греч. оригинал: ὡς κρίνον ἐν μέσῳ ἀκανθῶν, οὕτως ἡ πλησίον μου ἀναμέσων τῶν θυγατέρων. Передача ἐν μέσῳ через въ, как это сделано в ОБ, может представляться не вполне адекватной. Стих 6.8, также отсутствующий в ТП, за исключением незначительных перемен в порядке слов и выборе частиц, совпадает в ОБ и ЧП, но сюда внесена издателями ОБ одна важная перемена: слово женима заменено на наложница. Сделано это либо с оглядкой на господствующую норму словоупотребления того времени, либо же под влиянием текста ТП, где оно употреблено в стихе 6.7.

Ни один стих ОБ не совпадает полностью с ЧП, но влияние последнего перевода отчетливо сказывается в следующих 36 стихах Песни Песней по ОБ: 1.1-3,12,14; 2.2,4,14; 3.4-6,10,11; 4.1-3,6, 8,12,14,16; 5.1-3,9,17; 6.4-6,8,10,12; 7.1,4; 8.6,11. Вот, для примера, самое начало текста по трем его версиям: да лобжетъ мѧ ѿ лобъзанїѧ оустъ своихъ *ОБ* - да лобжетъ мѧ ѿ лобъзанїа оусть его *ЧП* - лъбжи мѧ ѿ лъбъзанїа оусть своихъ *ТП*. Как видно, острожские издатели избрали ту глагольную форму, которую содержит ЧП: она находится в согласии с греч. φιλησάτω με - повелительное наклонение, 3 лицо.

Текст ОБ позволяет установить, что издатели пользовались восточнославянским изводом ЧП, откуда они перенесли некоторые его особенности неизвестные южнославянским спискам. Так, в стихе 6.8 глагол бл⟨аго⟩с⟨ло⟩вища в ОБ соответствует чтению восточнославянских списков, тогда как в южнославянских читается блажища, что точно передает греч. ἐμακάρισαν. В стихах 4.3 и 6.6 выражение: обращенїе (оброщенїе) шипка *ОБ* - также совпадает с чтением восточнославянских и расходится с чтением южнославянских списков, где стоит корректная форма: облощенїе шипка, греч. λέπυρον ῥοᾶς "кожура яблока". Соответствующий вариант ТП: скорлѹпла родїа - показался издателям ОБ, по всей вероятности, неудачным и неясным, а на самостоятельный перевод греческого выражения они не решились.

Степень влияния на текст Песни Песней в ОБ перевода Константина Костенецкого (КК) значительно меньше и сказывается отчетливо лишь в нескольких стихах. Приведем наиболее очевидные примеры

такого рода: 1.7 изъиди ты въ пятахъ паствъ *ОБ* - въ пета пастъ *КК* - запать стадъ *ЧП* - *нет ТП* - греч. ἐν πτέρναις τῶν ποιμνίων, 3.10 въсклоненїе его злато *ОБ* - въсклоны *КК* - възлежанїе *ЧП* - *нет ТП* - греч. ἀναυλίτον, 3.10 каменое простренїе *ОБ* - каменїи простръттїе *КК* - камыкомощенїе *ЧП* - камано постьлано *ТП* - греч. λιθόστρωτον, 7.5 баграница цр̃ьска свазана *ОБ, КК* - багоръ цр̃ь свазанъ *ТП* - порфира цр̃ь оувазенъ *ЧП* - греч. πορφύρα βασιλεὺς δεδεμένος, 8.5 тамо поболѣ мт̃и твоа *ОБ* - тамо болѣзнова та мати твоа *КК* - тоу прижи та мати твоа *ЧП* - тамо роди та мати моа *ТП* - греч. ὠδύνησε . Совпадение ОБ и КК в последнем примере заключается не в выборе одной и той же лексемы, а в предпочтении эвфемизма перед грубовато-натуралистическими средствами ЧП и ТП. По всей вероятности, немотивированное включение в стих 1.12 слова сестра на месте греч. ἀδελφιδός (братоучадъ *ЧП*, братъ *ТП*) было сделанс под влиянием неверно понятого слова в КК - сестрѣчичь "двоюродный брат" (но не сестра!).

Вместе с тем утверждение И.Е.Евсеева (1916: 90-91) о том, что основой текста Песни Песней в ОБ является именно перевод КК, оказывается ошибочным. В подтверждение своего взгляда И.Е.Евсеев привел стихи 1.6-8,10-13,16, читаемые тождественно в ОБ и в списке КК 1781 года. Но это совпадение в действительности объясняется тем, что в указанном списке текст Песни отредактирован по ОБ, что было вообще не редкостью для библейских рукописей XVII-XVIII вв., текстологический авторитет которых был несравненно ниже, чем у ОБ. Список 1781 г. был собственностью И.Е.Евсеева, разыскать его в настоящее время оказалось невозможно, так что судить о его тексте можно лишь по тем немногим стихам, которые сам И.Е. Евсеев опубликовал. Эти стихи не совпадают с тем текстом КК, который известен нам по спискам XV-XVI вв., ср. 1.16: прекладн домъ нашего кедровыа и стола кипарисна *ОБ* - прекладн домовъ нашихъ кедровыа, доски наши кипарисныа *1781* - брѣвна х̃рамо̃ наши кедрїи, дъскопокровїа наша кипарї̃ *КК по списку XV века*.

Перевод КК не нашел отражения в восточнославянской рукописной традиции, он известен нам только по сербским и болгарским спискам, связанным по своему происхождением с Рыльским монастырем в Болгарии. Это значит, что сообщение издателей в предисловии о поисках ими рукописей в монастырях Сербии и Болгарии является вполне достоверным.

Использование других славянских источников сказывается значительно меньше на характере текста Песни Песней в ОБ. Так, в отдельных случаях можно подозревать влияние издания Франциска Скорины. Ср.: 2.3 посредѣ дрєвесъ лѣсныхъ *ОБ* - посредѣ древїем лесным *Скорина* - в дрєвє^{к} лѫга *ЧП* - въ дрєвѣхъ села *ТП* - в дрєвесѣхъ лѣжны^{к} *КК* - греч. ἐν ταῖς ξύλοις δρυμοῦ, 4.2 стада пострыженыі *ОБ* - стада овець пострыженыхъ *Скорина* - стада остриженa *ЧП* - *нет ТП* - стада остриженыі^{к} *КК* - греч. ἀγέλαι τῶν κειαρμένων, 7.2 чаша... не трекбющїѧ чєрпанїа *ОБ* - репица... нетрекбющаѧ... питїѧ *Скорина* - чѣша... не лишисѧ пива *ЧП* - чаша... не лишаема чєрпанїа *ГБ* - кратиръ... нелишаемь растворенїа *КК* - греч. κρατὴρ μὴ ὑστερούμενος κράμα. Все эти совпадения, впрочем, могли возникнуть и независимо при стремлении точнее передать греческий подлинник и в условиях сходной - западнорусской - языковой среды.

Вероятно, что вполне случайны два лексических совпадения с глаголическим текстом Песни Песней из хорватских бревиариев. Ср.: 1.3 тєчемъ *ОБ = Глаг.* - потєчемь *ЧП* - текохомъ *ТП* - текбще *КК* - греч. δραμοῦμεν (δραμούμεθα, ἔδραμον, δραμοῦσα) - лат. curremus, 3.11 женитва *ОБ = Глаг.* - жененїе *ЧП*.

Важной особенностью Песни Песней в ОБ является введение кратких пояснений и разъяснений при некоторых элементах текста, то есть применение так называемого "комментированного перевода". Случаи такого рода немногочисленны, но на них необходимо обратить внимание, потому что они представляют собою принципиальное новшество в истории славянской Библии. Комментированный перевод получил распространение в Западной Европе со времени появления библейских текстов на народных языках, предназначенных для внецерковного употребления. В частности, был он знаком создателям библейских текстов на чешском и польском языках в XV-XVI вв. (ср.: Kwilecka 1979), откуда попал и в издания Франциска Скорины. Из трех случаев комментированного перевода в Песни Песней по ОБ один находится в связи с глаголическим текстом, два - с изданием Скорины. Ср.: 1.11 масть драгаѧ *ОБ* - мъст многоцѣнна *Глаг.* - нардъ, нардъ, нардо, нардѳс *ЧП, ТП, КК, Скорина* - греч. νάρδος - лат.nardus 5.7 вѫша верхнюю ризѣ *ОБ* - плащъ *Скорина* - главотлѫж *ЧП* - покровъ *ГБ* - одѣнїе *КК* - греч. θέριστρον, 7.5 кармилъ гора *ОБ* - гора карьмель *Скорина* - карміль *ЧП, ТП, КК*.

Заключая характеристику филологических приемов острожских

издателей, рассмотрим их работу над стихом 3.6.

ОБ: ѵто сїѧ вьсходѧщїѧ ѿ пⷭстыни · ѩко стебло дымитсѧ кадѧщее смирна и ливан, и ѿ всѣхъ вонь мироварца·

ТП: ѯмирна и ливанъ ѿ всѣхъ вонь мурныхъ·

КК: кто сїа вьсходещїа ѿ пⷭстине, ѩко стьбло дыма покаждена ѯмирною и ливано ѿ всѣ прахо муролїателѧ·

ЧП: кто сїе вьсходѧи ѿ поустыня, ѩко стльпъ дыма, окаженъ ѯмирнож и ливаномъ ѿ всего праха муротворьцѧ·

Греч.: τίς αὕτη ἡ ἀναβαίνουσα ἀπὸ τῆς ἐρήμου, ὡς στελέχη καπνοῦ τεθημιαμένη σμύρναν καὶ λίβανον ἀπὸ πάντων κονιορτῶν μυρεψοῦ; ... .

Как видно, издатели ОБ постарались сохранить в возможной неприкосновенности ту часть стиха, которую они заимствовали из ГБ: они отдали предпочтение слову вонѧ и даже сохранили форму смирна вместо ожидаемого винит. падежа смирнѫ. Прилагательное мирныхъ они заменили все же на существительное мироварца в соответствии с греческим оригиналом и формой муротворьцѧ, муротворца (ЧП). При выработке остальной части стиха они следовали за КК и ЧП, не исключено при этом, что в том списке ЧП, каким пользовались издатели ОБ, также стояло слово стьбло, а не стльпъ, как дают дошедшие до нас списки. Предпочтение женского рода - сїѧ вьсходѧщїѧ - продиктовано греческим оригиналом. Трудно, однако, объяснить формы ѵто и дымитсѧ в ОБ, для которых нужно предполагать в греческом τί и καπνοῖ, чего мы не находим ни в одном из доступных источников греческого текста. Ничем не мотивировано введение союза после слова ливан⟨ъ⟩. Этот эклектический метод работы можно проследить и во многих других стихах Песни Песней по ОБ, когда издатели по какой-либо причине не могли полагаться на свой основной оригинал - копию ГБ.

Что касается того печатного греческого источника, которым располагали издатели ОБ и который был назван в предисловии "звод", то с ним к 1580 г. дело обстояло следующим образом.

В 1514-1517 гг. в Алькале (Испания) под руководством кардинала Хименеса было подготовлено и в 1522 г. пущено в оборот издание шеститомной Библии-полиглотты, получившей название Комплютенской. В ней параллельно было напечатано четыре текста: латинский, греческий, древнееврейский и арамейский. Для подготовки греческого текста было использовано несколько списков, доставленных из Рима.

Тираж Комплютенской Полиглотты составил 600 экземпляров. В 1569-1572 гг. в Антверпене состоялось ее переиздание с добавлением сирийского текста и обширного справочного аппарата, содержащего лексические и грамматические материалы. Бо́льшая часть тиража восьмитомной Антверпенской Полиглотты, отпечатанной в 500 экземплярах, погибла во время кораблекрушения на пути в Испанию (Copinger 1897: 45).

В 1518 г. в знаменитом венецианском издательстве Альда Мануция была издана греческая Библия по трем или четырем венецианским спискам, при этом для подготовки текста Нового Завета использовалось базельское издание Эразма Роттердамского, вышедшее в свет в 1516 году. Весь текст Ветхого и Нового Завета поместился в этом издании в одном томе убористой печати. В дальнейшем он переиздавался в Страсбурге в 1524-1526 гг. и в Базеле в 1545 (так называемая Библия Меланхтона) и в 1550 годах (Copinger 1897: 93-94).

Таким образом, в принципе речь может идти о двух текстах греческой Библии - комплютенском и альдинском, различия между которыми обусловлены тем, что издания основаны на различных греческих рукописях. По мнению лиц, занимавшихся этим вопросом, в текстах ОБ обнаруживается знакомство с обоими изданиями (см.: Рождественский 1880; Лебедев 1890; Юнгеров 1910: 425-430). Однако уже внешняя история двух греческих текстов говорит о том, что вероятность использования в Остроге альдинского - была значительно больше. И действительно, его текстовые особенности не трудно обнаружить в книге Песни Песней по ОБ.

Альдинское издание греческой Библии основано на рукописях, однако в духе филологических приемов того времени венецианские издатели внесли в свой текст ряд поправок (конъектур), согласно своему пониманию библейского текста. Всего в Песни Песней по альдинскому тексту 11 таких конъектур, и все они отразились в ОБ. Вот наиболее выразительные случаи: 2.17 на горы окр҃тныѧ *ОБ* = ἐπί ὄρη κυκλωμάτων *Альд.* - на гора̑ глѣкины *ЧП* - на горы оудолїи *ТП* = ἐπί ὄρη κοιλωμάτων, 4.13 сади шипковъ *ОБ* = παράδεισοι ῥοῶν *Альд.*- ран *ЧП, ГБ* = παράδεισος, 5.11 глава его ѕлата глава *ОБ* = κεφαλὴ αὐτοῦ χρυσίον κεφαλὴ *Альд.*- глава его ѕлата кафаць (кефаѕь) *ЧП, ТП* = κεφάζ и т.д. Никаких следов использования комплютенского текста в Песни Песней по ОБ не обнаруживается, индивидуальные чтения этого греческого текста игнорируются. Ср. 8.5: кто сїѧ въсходащїѧ

оубѣлена *ОБ*, - в *Компл.* добавлено: ἀπο ἐρήμου "из пустыни", - что не отражено в ОБ.

В одном из экземпляров ОБ, хранящемся в ГБЛ (инвентарный № 1461), в 7100 г. от создания мира, то есть в 1592 г., "недостойным монахом Феодотом" (датировка и имя написаны ломаным греческим языком) сделана запись следующего содержания: *"Князь Констàнтин имея великое тщание о сих книгах мнози сбирая со всех стран языка словеньского и ни едина обретеся совершена в книгах Ветхаго Завета. И ин етер того же князьства испыта пяти язык Библии ев-[рей]ского, халдейского, еллиньского, латыньского и сирьского. И тех всех словеньская Библия исправна и чиста есть от блудов и измен иноверцов"* (Немировский 1985б: 450). Речь идет, конечно, об Антверпенской Полиглотте. Неясно, однако, следует ли эту запись понимать как свидетельство об использовании Полиглотты при подготовке издания ОБ, или же ее "испытание" было проведено после выхода последней в период до составления записи. Вопреки мнению издателя этой записки, ее происхождение не должно связывать с русским Севером, она написана в западнорусских землях (ср. форму *князьства*). Пока с необходимой тщательностью и на фоне всей рукописной традиции не изучены тексты других книг, входяхих в ОБ, нельзя с полной уверенностью отрицать возможность использования комплютенского текста непосредственно или в виде Антверпенской Полиглотты.

Пользуясь греческим оригиналом, издатели ОБ прежде всего устранили ошибку ГБ в тексте Песни Песней в стихах 2.9,17, 4.5, 7.3, 8.14, где переводчик ТП читал в своем греческом оригинале вместо слова νεβρός "олененок" - слово νεῦρον "нерв, жила", ср. 2.9: подобенъ есть бра̀ т мои сернѣ и жила̀ ѥ еленмъ *ГБ* - или - слав. младъ елени *ОБ*. Ср. также более естественный славянский перевод, предложенный издателями ОБ в стихе 8.13: дрѣгїѧ вънемлющїѧ *ОБ* - дроугꙋ зрѧще *ЧП* - дрꙋзи въпиюще *ТП* - греч. ἑταῖροι προσέχοντες, где греч. προσέχω значит "обращаю внимание, воспринимаю". Сходную замену находим в стихе 5.4: чрево мое въстрепета ѿ него *ОБ* - оужасесѧ *ЧП* - оудивисѧ *ТП* - ἐθροήθη, хотя греч. θροέω скорее значит "приходить в ужас"; перевод ОБ предлагает более естественное представление о вещах.

Приведем также наиболее интересные лексические замены, сделанные издателями ОБ с опорой на греческий оригинал: 2.17, 4.6

сѣни *ОБ* - стѣневе, стѣнїа *ЧП, ГБ* - σκιαί, 3.2 на стогнахъ *ОБ* - на широкыихъ *ГБ* - ἐν ταῖς πλατείαις, 3.9 носилникъ *ОБ* - носило *ЧП, ГБ* - φορεῖον, 4.2, 6.5 кѫпель *ОБ* - баня *ЧП, ГБ* - λουτρόν, 4.11 бл҃говонїе, бл҃гоѳханїе *ОБ* - вона *ЧП* - δομή, 5.10 красенъ *ОБ* - роусъ *ЧП* - чермень *ГБ* - πυρρός, 5.13 фїалы *ОБ* - чѣша, чаша *ЧП* - съсѣд(ъ) *ГБ* - φιάλαι, 5.14 кѫква *ОБ* - дѣщица *ЧП* - керстица *ГБ* - πυξίον, 7.1 оусерѧзи *ОБ* - монисто *ЧП, ГБ* - ὁρμίσκοι, 7.2 хѫдожникъ *ОБ* -, хытрьць *ЧП, ГБ* - τεχνίτης, 8.9 стрѣхи *ОБ* - ѯабрала *ЧП* - сѣны *ГБ* - ἐπάλξεις. Столь точные по смыслу и стилистике замены не могли быть сделаны без ясного понимания содержания славянского текста и без обращения к греческому оригиналу. Представляется, что замены эти были вызваны к жизни стремлением к обновлению лексики в согласии с нормами церковнославянского языка русского извода и лингво-эстетическими запросами времени.

Иногда, впрочем, в стремлении улучшить славянский текст издатели ОБ допускали ошибки. Ср. 5.14: рѫцѣ его ... наполнены дерзости *ОБ* - тарсисъ *ЧП* - фарсиса *ГБ* - греч. θαρσίς, между тем, представляет собою непереведенный гебраизм, исконное значение которого "хризолит, топаз". Издатели ОБ спутали его с греч. θάρσος "дерзость". Подобную ошибку допустили в свое время болгарские переводчики книги пророка Даниила в стихе 10.6: тѣло емоу дрѣзостїю прѣпоѧсано (см.: Евсеев 1905: 136). Этот случай и приведенные выше заимствования ошибок из ГБ и ЧП говорят о том, что знание греческого языка было у издателей ОБ небезупречным.

Кстати заметим, что вопрос о языковых навыках острожских издателей представляет собою большой научный интерес. Книгопечатание как новая форма копирования и размножения текстов создавало неизвестные дотоле возможности изготовления большого числа совершенно тождественных экземпляров одного и того же произведения. Возникла необходимость прежде всего в строгой орфографической норме, а затем и в гораздо более стабильном словоупотреблении. Поэтому вопрос о принципах орфографического нормирования, о выработке устойчивого и нормализованного словоупотребления в практике острожских издателей требует специального глубокого изучения на всем доступном материале. Кое-что в этом отношении сделано (см.: Булич 1893; Freidhof 1972), на кое-что было обращено внимание выше при характеристике текстов отдельных книг в ОБ. Добавим

к этому лишь несколько иллюстраций, отражающих основные тенденции в сфере словоупотребления у острожских издателей.

К наиболее очевидным тенденциям относится устранение латинизмов, попавших в ГБ в составе текстов, переведенных с Вульгаты. Ср.: 2 Пар. 9.1 в енигматибѣсъ : въ гаданїихъ, Иуд.3.1 легати : мѣжи послы, 3 Езд.5.8 каосъ (лат. chaos, на поле глосса: пропасть): трусн, 3 Езд. 5.8 монстрѣ (глосса: чюдеса) : дивнаѧ и т.п.

При устранении латинизмов или буквальных переводов с латыни в ОБ, как правило, ввводится более обычный, распространенный лексический вариант. Иногда он связан с греческим оригиналом, использованным при подготовке издания ОБ, иногда появляется без какой-либо опоры на греческое соответствие. Ср.: Неем. 7.5 магистратосъ : кнѧзь (ἀρχων), 2 Пар. 9.4 жрътва (victima) : всесъжженїе (ὁλοκαύτωμα), Прем. 18.1 с(вѧ)тыи (sanctus) : преподобныи (ὅσιος), Неем. 7.4 широкъ многъ (nimis) : широкъ зѣло, Тов.4.6 ѿ сѣщества (ex substantia) твоего сътвори милостыню : ѿ имѣнїѧ же твоего твори милостыню, Иуд. 3.2 разѕареніе (indignatio) : гнѣвъ.

Другая тенденция, отчетливо прослеживающаяся у острожских исправителей, - устранение некнижных форм, имеющих в ГБ восточнославянское обиходно-просторечное происхождение. Ср.: Иуд. 3.1 волость (provincia) : предѣлъ, 2 Пар. 9.1 которыѧ: иже, возможно - Иуд.3.8 бои (bellum) : брань и т.п.

Третья тенденция улавливается не так отчетливо, по-видимому, она заключается в замене редкого обычным, вненормативного нормативным, и мотивы таких замен при нашем теперешнем знании нормы словоупотребления той эпохи не всегда ясны. Ср.: Иуд. 3.7 конники (eques) : всадники, Быт. 40.10 делвы : лѣторасли и т.п. На этом пути исправители не всегда достигают успеха, ср. Иуд. 3.2: повинни бѫдемъ тебѣ (subditi simus tibi) : порѫчни бѫдемъ тебѣ (речь идет о политическом подданстве).

Итак, закончив рассмотрение текстовой и языковой правки, проведенной при подготовке к изданию ОБ, можно подвести итоги по затронутым вопросам. Острожские издатели действительно, как они и сообщают в предисловии, провели текстологическое обследование всех книг, составляющих библейский корпус. Основой их работы послужила одна из копий ГБ. Для некоторых текстов они ограничились аккуратной перепиской с введением конъектур и без обращения к греческому оригиналу. Другие тексты они сопоставили с их иноязыч-

ными оригиналами и более или менее существенно переработали. Ряд текстов был переведен заново. Наконец, ряд текстов они сопоставили как со славянской рукописной традицией, так и с греческими оригиналами, а при расхождении в показании источников принимали то или иное решение.

Те филологические приемы, которыми пользовались острожские издатели, с позиций современной филологии не всегда могут быть признаны удовлетворительными. Для Песни Песней, например, не так уж трудно было установить достоинство Четьего перевода, обладающего полнотой и точностью в передаче греческого оригинала. Во всяком случае, работавший в 1502-1507 гг. в Супрасльском монастыре Матфей Десятый при составлении своего сборника книг Ветхого и Нового Завета взял за основу именно Четий перевод Песни Песней, слегка подправив его по Толковому переводу этой книги (см.: Алексеев, Лихачева 1978: 17). Предпочтение, отданное издателями ОБ Толковому переводу, можно объяснить, во-первых, тем, что они не хотели вовсе отступить от кодекса, послужившего им основой всего издания, то есть копии ГБ, и, во-вторых, тем, что копия ГБ при всем своем несовершенстве в отдельных частях обладала в их глазах тем исключительным авторитетом, которым пользовались у острожских издателей вообще тексты московского происхождения, церковнославянский язык московской традиции.

В оправдание текстологических недочетов издания можно указать на то, что сходные методы филологической работы были характерны для той эпохи и оставались господствующими вплоть до XIX века. Так, издавая в 1516 г. по пяти случайным греческим спискам Новый Завет, Эразм Роттердамский перевел некоторые пассажи с латыни, чтобы заполнить лакуны своих источников (Kenyon 1912: 269). Издатели Елизаветинской Библии 1751 г., положив в основу подготавливаемого ими издания текст ОБ, вносили в него отдельные исправления, пользуясь для этого не только различными изданиями греческого библейского текста, но и изданием древнееврейского текста книг Ветхого Завета (Елеонский 1902: 21). Так, в стихе 5.11 Песни Песней, в чтении ОБ: власы его широки, - они заменили прилагательное широки на кѣдрове, в соответствии с древнееврейским תלתלים thal^{e}thalîm "отвислые ветви". Между тем, в самой ОБ слово широки является конъектурой: в греческом стоит ἐλάται "ели", что опущено в ГБ и точно передано в Четьем переводе - елїе. Возможно, издатели ОБ решили,

что форма ἔλαται стоит ошибочно вместо πλατεῖς. Как видно, издатели ОБ довольно широко пользовались своим правом на рационалистическое улучшение текста. Метод конъектурной критики текста был основным еще в начале XIX в., когда он был вытеснен историческим подходом к тексту и его языковым формам.

Другими источниками ОБ были иноязычные Библии.

Латинская Вульгата непосредственно или через ГБ оказала влияние на порядок расположения книг в кодексе, на установление состава отдельных книг (например, в соотношении текста книг 1 и 2 Ездры и Неемии) и членение их на главы. Из Вульгаты, по всей вероятности, заимствованы были указания на параллельные места, помещенные на полях ОБ. Некоторые книги были правлены только по ней.

Греческий текст LXX, не использованный при создании ГБ, нашел себе применение в работе острожских издателей по его венецианскому изданию 1518 г. или же по одной из позднейших перепечаток последнего. В переводе с греческого появились книги 3 Маккавейская и Есфирь, части других книг. Основная часть библейского корпуса, в том числе книги, переведенные для ГБ с Вульгаты, была более или менее переработана по греческому оригиналу. Острожская комиссия постаралась вернуть славянскую Библию к ее традиционному истоку - греческому оригиналу, но на этом пути ей все же не хватило последовательности.

Значение двух других источников - чешской Библии по изданию Мелантриха и "Библии руской" Франциска Скорины - для выработки славянского текста ОБ было значительно меньше, однако через эти источники острожские издатели усвоили некоторые приемы обработки текста, характерные для гуманистических и ренессансных изданий (см. по этому поводу: Горфункель 1985: 66-76). В самом тексте ОБ это выразилось введением комментированных переводов и в эвфемистическом смягчении отдельных выражений (см. выше пример заимствования эвфемизма из перевода Песни Песней Константина Костенецкого)

Что касается места ОБ в истории текста Священного Писания у славян, то итоги рассмотрения материала в этом аспекте можно подвести следующим образом. Несмотря на достаточно высокий для своего времени уровень филологического исполнения ОБ, несмотря на хорошую обеспеченность всего дела печатными библейскими изданиями, несмотря на коллекцию соответствующих славянских рукописей, собранную в пределах Болгарии, Сербии и, вероятно, на Афоне, -

несмотря на все это лишь использование ГБ в качестве основного источника текста позволило с успехом решить задачу по изданию такого библейского свода, который воплотил в себя главную текстологическую традицию славянского перевода Священного Писания. Величиной и ценностью своего рукописного собрания острожская комиссия не могла соперничать с новгородским владычним скрипторием, опиравшимся на книжные богатства самой изобильной в этом отношении славянской области. Таким образом, за немногими исключениями текстологическое значение ОБ оказывается производным от текстологического значения ГБ. Использование острожскими издателями дополнительных славянских источников осуществлялось столь свободно и непоследовательно, что судить о качестве этих источников в том случае, если они до нас не дошли, мы не в состоянии. ОБ не может рассматриваться как сколько-нибудь надежный свидетель доострожской рукописной традиции славянского перевода Священного Писания. Но если нам известна эта традиция из других, не зависящих от ОБ источников, мы можем определить отношение к ней текста в ОБ, как это было показано на материале Песни Песней.

Использование ГБ в качестве главного источника оказалось важно еще в одном отношении: этот оригинал в основных чертах определил языковые формы ОБ, а также дальнейшие судьбы церковнославянского языка в славянском мире. Известно, что после выхода ОБ в 1580-1581 гг. у западных и южных славян прекратилось самостоятельное издание библейских текстов, и ОБ сделалась единственным авторитетным выразителем основы вероучения для православного славянства (Евсеев 1916: 105-106). Вместе с этим ОБ получила значение языкового образца и носителя языковой нормы. На нее опирался Мелетий Смотрицкий, сын одного из издателей ОБ - Герасима, при установлении норм церковнославянского языка в своей "Грамматике" 1619 года. Как сама ОБ, так и "Грамматика" Мелетия Смотрицкого определили форму этого языка у болгар и сербов в XVII-XVIII веках. Равным образом влияние этих изданий было определяющим для языковой ситуации в Москве в XVII веке. Значение западнорусских земель как центра славянской образованности в последние десятилетия XVI и на протяжении XVII в. было не в малой степени связано с авторитетом ОБ.

Дальнейшие события привели к тому, что созданная как частное предприятие князя Константина Острожского и группы образованных

лиц, ОБ получила официальное церковное признание в Московском патриархате, когда была переиздана в Москве в 1663 г. с самыми незначительными переменами в тексте. В 1711 г. последовал указ Петра I об исправлении текста славянской Библии перед ее новым изданием. Работа, начатая тогда же, завершилась в 1751 г. публикацией Библии, получившей название Елизаветинской по имени тогдашней императрицы. Издание 1751 г. было осуществлено в принципе так же, как и издание самой ОБ, с тем главным отличием, что основой для первого послужил на этот раз не текст ГБ, а текст ОБ в ее московской перепечатке 1663 года (Елеонский 1902). Этот исправленный церковнославянский текст с тех пор неоднократно перепечатывался Святейшим Синодом Православной Российской Церкви в качестве авторитетной славянской версии Священного Писания.

Явившись первым полным печатным изданием славянского перевода Священного Писания, ОБ завершила семивековой рукописный период его истории, а открыв книгопечатный период этой истории, она явилась текстовой основой для последующей церковнославянской печатной библейской продукции.

То, что издатели ОБ в отличие, скажем, от Франциска Скорины не стремились порвать с церковнославянской традицией и выработать текст Священного Писания на новом литературном языке, имело свои глубокие исторические причины. В условиях политической, диалектной и в известной степени культурной разобщенности восточнославянских народов в XVI в., когда часть из них находилась под властью Польско-Литовского государства, а Киевская митрополия относилась к юрисдикции Константинопольского патриархата, церковнославянский язык и общий фонд библейских текстов явились важным фактором сохранения вероисповедного единства восточных славян. Переводы Священного Писания на национальные литературные языки восточных славян - русский, украинский и белорусский - были осуществлены только в XIX и XX вв. уже в иных культурных и политических условиях.

А.М.ПЕНТКОВСКИЙ

ЛЕКЦИОНАРНЫЕ ТАБЛИЦЫ РУССКИХ БИБЛЕЙСКИХ КОДЕКСОВ

1. Библия, как кодекс, содержащий книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, не предназначена для литургического использования, несмотря на то, что в ее состав входят все ветхозаветные и новозаветные тексты, читающиеся за богослужением. Однако в ГБ, ОБ и последующих изданиях славянской Библии имеются *лекционарные таблицы* (Metzger 1972: 480), определяющие апостольские и евангельские чтения подвижного пасхального и неподвижного календарного годов, дополненные в поздних изданиях указателем ветхозаветных чтений.

2. Появление лекционарных таблиц в ОБ и последующих изданиях определяется особенностями формирования и бытования книг Нового Завета в славянской и древнерусской традициях, где Евангелие и Апостол (Деяния и Послания апостольские) известны в двух типах кодексов в зависимости от способа организации текста (как и в греческих рукописях):

2.1. Евангелие апракос и Апостол апракос, содержащие тексты, расположенные в соответствии с последовательностью чтения за богослужением в течение подвижного пасхального (синаксарная часть или синаксарий) и неподвижного календарного (месяцесловная часть или менологий) годов, то есть *лекционарии*.

В зависимости от набора текстов синаксарной части апракосы разделяются на 3 основных вида:

2.1.1. *Полные апракосы*, содержащие в синаксарной части чтения (перикопы) на каждый день седмицы от Пасхи до Недели Сыропустной, чтения на субботы и воскресения Великого поста, Лазареву субботу, Неделю Ваий и Страстную седмицу. Полные апракосы отражают монастырскую традицию богослужения.

2.1.2. *Краткие апракосы*, содержащие в синаксарной части чтения на каждый день седмицы от Пасхи до Пятидесятницы, субботние и воскресные чтения от субботы 1-й по Пятидесятнице до Недели Сыропустной, чтения на субботы и воскресения Великого поста, Лазареву субботу, Неделю Ваий и Страстную седмицу. Краткие апракосы

отражают соборно-приходскую традицию богослужения, определявшуюся, в основном, Уставом Великой Церкви.

2.1.3. *Сверхкраткие апракосы* (субботне-воскресные, воскресные, праздничные и некоторые другие виды) являются, вероятно, различной степени сокращениями краткого апракоса и отражают традицию богослужения приходов с неполным (сокращенным) циклом служб.

Месяцесловные части всех видов апракосов имеют набор памятей и чтений различного состава и степени полноты в зависимости от вида апракоса, его греческого оригинала и местных традиций (Сергий 1901: 88-135).

2.2. Евангелие тетр (Четвероевангелие) и Апостол, содержащие тексты в традиционном порядке следования. Эти кодексы в зависимости от предназначения подразделяются на 2 вида, известные как в рукописях, так и в печатных изданиях.

2.2.1. *Евангелие тетр служебное* и *Апостол служебный*, предназначенные для использования за богослужением, что обеспечивает лекционарный аппарат. В состав лекционарного аппарата входят: лекционарная разметка начала-конца чтения в тексте, лекционарные указания времени чтений и вводных формул (обычно на полях), лекционарные таблицы в конце текста, определяющие последовательность и состав чтений синаксария и менология.

2.2.2. *Евангелие тетр четье* и *Апостол четий*, не имеющие лекционарного аппарата и предназначенные в большинстве случаев для неслужебного использования (индивидуального и коллективного чтения). В поздней традиции четьи Четвероевангелия и Апостолы сопровождаются лекционарными таблицами справочного характера.

На основании текста Четвероевангелия и Апостола были созданы Евангелие толковое и Апостол толковый, тексты которых разделены на фрагменты (части) различной величины, сопровождающиеся толкованиями-комментариями (Горский, Невоструев: 299-300).

2.3. В зависимости от предназначения, Евангелия и Апостолы разделяются на 2 типа:

2.3.1. *Служебный (литургический) тип*, в состав которого входят кодексы, предназначенные для использования за богослужением, то есть апракосы всех видов и служебные Евангелия тетр и Апостолы.

2.3.2. *Четий тип*, который составляют четьи Евангелия тетр и Апостолы, а также толковые тексты.

3. *Лекционарные таблицы* формировались одновременно с образованием круга новозаветных чтений и входили в состав греческих служебных Четвероевангелий и Апостолов. Греческие лекционарные таблицы известны различной степени полноты и состава, что определялось особенностями и характером богослужебной традиции.

В славянских новозаветных рукописях лекционарные таблицы появились одновременно с переводом Евангелия тетр служебного и Апостола служебного, осуществленным, вероятно, еще св. Кириллом и Мефодием во время их пребывания в Моравии. Перевод служебных текстов несомненно первичен по отношению к четьим, поскольку византийская христианская традиция была воспринята славянами прежде всего как традиция литургическая.

Не сохранившись в составе древнейшего глаголического служебного Четвероевангелия XI в. - Мариинского (ГБЛ, собр. В.И.Григоровича, № 6), лекционарные таблицы входят в состав древнерусского Типографского Евангелия XII в. (ЦГАДА, собр. Московской Синодальной типографии, № 1), болгарского Дечанского Евангелия XIII в. (ГПБ, собр. А.Ф.Гильфердинга, № 4) и многих других служебных тетв XIII-го и последующих столетий.

Четвероевангелие четьего типа было образовано из служебного при удалении из последнего лекционарного аппарата, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы лекционарной разметки и лекционарных указаний в древнейшем четьем глаголической Четвероевангелии XI в. - Зографском (ГПБ, собр. Глаголических рукописей, № 1) (Moszyński 1985: 90). К четьему типу также относятся близкие к Зографскому боснийские Евангелия XIV в. (Никольское Евангелие (ранее Народная Библиотека Сербии, № 112, ныне Dublin. Chester Beatty, W. 147), ГПБ, собр. А.Ф.Гильфердинга, № 6 и другие), а также древнерусское Галицкое Евангелие 1144 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 404).

В XIII-XIV вв. в славянских землях под влиянием константинопольской богослужебной традиции начинается замена апракосов на служебные Четвероевангелия и Апостолы. Введение во второй половине XIV в. Иерусалимского Устава окончательно определило использование Евангелия тетр служебного и Апостола служебного в литургической практике и бытование этого типа кодексов в рукописной, а впоследствии и в печатной традиции.

4. Лекционарные таблицы входят также и в состав первого сла-

вянского полного библейского кодекса - Геннадиевской Библии 1499 г. Но отличительной особенностью книг Нового Завета ГБ является их служебный тип, а не четий, характерный для печатных изданий Библии. Поэтому как в Евангелии, так и в Апостоле ГБ имеются не только лекционарные таблицы, содержащие указания чтений пасхального и календарного годов, общих и "на всяку потребу" в конце каждой из книг (Горский, Невоструев 1855: 139-153), но и лекционарная разметка в тексте и лекционарные указания на полях.

Незнание составителями ГБ новозаветных книг четьего типа или отсутствие этих книг в Новгороде, где для работ по созданию библейского кодекса были собраны не только древнерусские рукописи, но и западноевропейские печатные издания Библии, не является причиной включения в состав ГБ Евангелия тетр и Апостола служебных.

Четий тип был хорошо известен древнерусским книжникам. Как уже отмечалось, именно к этому типу относится древнейшее древнерусское датированное Четвероевангелие (Галицкое Евангелие 1144 г.). Собственно Новый Завет, содержащий Четвероевангелие, Деяния и Послания апостольские четьего типа, а также Апокалипсис, стал известен на Руси благодаря деятельности митрополита Алексия, под руководством которого в Константинополе был написан, а около 1355 г. привезен в Москву новозаветный кодекс, хранившийся впоследствии в Чудовом монастыре. Четьи книги Чудовского Нового Завета (ЧНЗ) сопровождаются лекционарными таблицами, особенностью которых является соединение указателей евангельских и апостольских чтений в один общий указатель справочного характера (лекционарная разметка в тексте и лекционарные указания на полях отсутствуют), где апостольские чтения предшествуют евангельским в соответствии с порядком чтения на богослужениях (Новый Завет 1892: л. 159 об.- 168).

Однако во второй половине XIV-XV вв. четий Новый Завет с лекционарными таблицами справочного характера не получил широкого распространения на Руси. Наоборот, в связи с преимущественным использованием в литургической практике этого времени служебных Евангелия тетр и Апостола, имевшиеся кодексы четьего типа преобразовывались в служебные путем дополнения лекционарным аппаратом. Так, служебная разметка в XIV в. была внесена в Галицкое Евангелие 1144 г. (Горский, Невоструев: 210-213) и в ЧНЗ, а Евангелие преп. Никона Радонежского 1399(?) г. (ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, Ризница, № 6), восходящее к ЧНЗ по редакции текста, уже

служебного типа, со внесенной в текст основным почерком служебными разметкой, указаниями и обычными для служебных тетров лекционарными таблицами (лл. 2 - 10 об.).

Тексты четьих новозаветных книг как древнейшей редакции типа Галицкого Евангелия 1144 г., так и афонской редакции начала XIV в., к которой восходит ЧНЗ, не совпадали между собой и отличались от общепринятого текста, использовавшегося в литургической практике, что не могли не видеть новгородские книжники. В то же время Евангелие тетр служебное и Апостол служебный содержали наиболее авторитетный и стабильный текст Священного Писания. Именно это и явилось причиной включения в состав ГБ новозаветных книг служебного типа.

Ветхозаветные книги в ГБ не имеют служебных указаний в тексте и на полях и указателя ветхозаветных чтений, что объясняется использованием составителями кодекса полных четьих и толковых списков книг Ветхого Завета, не предназначенных для служебного употребления.

5. Следует отметить, что составленный Матфеем Десятым в 1502-1507 гг. независимо от ГБ сборник ветхозаветных и новозаветных книг (Супрасльский сборник 1507 г. - далее ССб) (БАН, 24.4.28) также содержит служебные Евангелие тетр и Апостол, но с одним общим указателем чтений синаксария, имеющим в оглавлении название "ключь апл҃ов и ев҃лїю" (лл. 403-406). Указания чтений менология содержатся вместе с другими служебными указаниями месяцесловной части Типикона (лл. 419-455).

Ветхозаветные тексты в ССб представлены для некоторых книг только паремийными чтениями, а также, в отличие от ГБ, имеют служебную разметку - в соответствующих местах указаны начала-концы и время чтений. Здесь же находится первый в славянской рукописной и печатной традиции указатель ветхозаветных чтений - " Сказанїе и҃ѕ вѣстно и҃ж ис трїю҃дн и и҃ѕ мїнеи главы паремьіа҃мъ " (лл. 140-141).

Этот указатель был составлен Матфеем Десятым в результате работы по извлечению фрагментов ветхозаветных текстов (паремий) из служебных Миней и Триодей Постной и Цветной, а не Паремийника, как принято считать, - об этом свидетельствует заглавие указателя. Использование ветхозаветных текстов служебного типа при отсутствии необходимых четьих и толковых списков определило неполный состав книг Ветхого Завета в ССб.

6. В первом полном славянском печатном своде книг Священного Писания, изданном в Остроге в 1580-1581 гг., книги Нового Завета представлены традиционным для печатных библейских кодексов четьим видом и сопровождаются лекционарными таблицами справочного характера, как и в ЧНЗ.

6.1. В состав лекционарных таблиц ОБ входят:

6.1.1. Указатель чтений по месяцеслову: Сокрникъ вї тимъ мцмъ. Сказаа главы коемжо апло і еуглїю і избранныимъ стыи и праꙁникои (л. 72 об. пятой фолиации). Среди особенностей этого указателя следует отметить наличие календарных литер в месяцеслове, используемых для календарных расчетов (так называемых "вруцелет") и сокращенный вид месяцеслова, практически не содержащего славянские памяти, за исключением памятей митрополита Петра (21 декабря), великого князя Владимира (12 июля), князей Бориса и Глеба (24 июля) - для русских святых; Антония Сербского (28 октября) и Саввы Сербского (12 января) - для южнославянских святых. Ограниченное число русских и южнославянских памятей в месяцеслове ОБ и отсутствие в нем памятей "новых чюдотворцев", канонизированных в Москве в середине XVI в., связано, вероятно, с тем, что в конце XVI столетия Острог и другие западнорусские земли входили в юрисдикцию Константинопольского патриархата, а не Московской митрополии.

В конце месяцеслова находится указатель чтений для служб Минеи общей - Апли і еуглїа стыимъ общи иже егда твори слобы (л. 75 об. пятой фолиации).

6.1.2. Указатель чтений пасхального года (синаксарного цикла чтений): Сказанїе глава еуски отрънїимъ аплмъ і еуглїамъ извѣстно седмицамъ всего лѣта (л. 75 об. пятой фолиации). Набор чтений совпадает с набором чтений полного апракоса.

6.1.3. Указатель чтений частных богослужений: Апли и еуглїа разлнни на всяку потребу (л. 78 пятой фолиации), в том числе на освящение храма, над болящим, на елеосвящение и прочие.

6.2. Как уже было отмечено, Четвероевангелие и Апостол в ГБ служебного типа. Но с другой стороны, ГБ послужила основой для острожского издания, где соответствующие книги представлены четьим типами. Указанное противоречие объясняется ориентацией по способу организации текста Четвероевангелия и Апостола в ОБ на Новый Завет с Псалтирью (НЗП), изданный в Остроге в 1580 г., а не на ГБ. Евангелие и Апостол НЗП принадлежат к четьему типу и сопровож-

даются одним общим указателем чтений (как и в ЧНЗ). Притом, если текст новозаветных книг этого издания, по мнению Я.Д.Исаевича, несколько отличается от текста ОБ (Ісаевич 1975: 87), то его лекционарные таблицы перепечатаны в ОБ без изменений.

6.3. Таким образом, в процессе работ по дополнению и редактированию библейских текстов при подготовке к изданию ОБ острожские книжники преобразовали Евангелие тетр и Апостол служебного типа в Евангелие тетр и Апостол четьего типа путем удаления из текстов Евангелия и Апостола лекционарного аппарата и дополнения их одним общим указателем чтений справочного характера из изданного ранее НЗП.

7. Как известно, ОБ явилась основой всех последующих изданий Библии в России. Соответственно, все они включают в свой состав и лекционарные таблицы, восходящие к ОБ. Но четий тип книг Нового Завета, как уже отмечалось, не имел на Руси широкого распространения и не соответствовал традиционным представлениям московских книжников об Евангелии и Апостоле. Поэтому, при подготовке московского издания Библии 1663 г. справщики Печатного двора предприняли попытку обратного преобразования четьего типа новозаветных книг в привычный для всех служебный, для чего в экземпляр ОБ, служивший оригиналом издания 1663 г., были внесены лекционарная разметка и лекционарные указания (Автократова, Долгова 1985: 170). Однако такое преобразование не было поддержано и Библия была издана без служебных указаний в тексте и с лекционарными таблицами справочного характера. Указатель ветхозаветных чтений в этом издании отсутствует.

8. Указатели новозаветных чтений в Елизаветинской Библии 1751 г. также восходят к ОБ, но в месяцеслове удалены календарные литеры, дополнены памяти святых. Указатель чтений "на всяку потребу" дополнен составленными в XVIII в. "Возследованием за императрицу и за люди во время брани", "Возследованием во общенуждии" и некоторыми другими чинами.

9. Итак, изданная в Остроге в 1580-1581 гг. Библия является первым восточнославянским печатным изданием, объединившим только четьи типы как ветхозаветных, так и новозаветных книг, а лекционарные таблицы ОБ - первыми лекционарными таблицами справочного характера в составе библейского кодекса.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамович 1913 - Абрамович Д.И. К литературной деятельности мниха камянчанина Исайи. // ПДПИ, 181. - СПб.

Автократова, Долгова 1985 - Автократова М.И., Долгова С.Р. К истории издания и распространения первой московской Библии: Острожская Библия ЦГАДА - наборный экземпляр для Библии 1663 года. // Федоровские чтения 1981. - М.- С.168-173.

Алексеев 1983 - Алексеев А.А. К определению объема литературного наследия Мефодия. (Четий перевод Песни Песней). // ТОДРЛ, 37. - Л.- С. 229-255.

Алексеев 1985 - Алексеев А.А. Песнь Песней в Острожской Библии. Состав и источники текста. // Федоровские чтения 1981. - М.- С. 116-124.

Алексеев 1987 - Алексеев А.А. Переводы с древнееврейских оригиналов в Древней Руси. // Russian Linguistics, 11. - P. 1-20.

Алексеев 1988 - Алексеев А.А. Кирилло-Мефодиевское переводческое наследие и его исторические судьбы. (Переводы Священного Писания в славянской письменности). // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. X международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. - М. - С. 124-145.

Алексеев, Лихачева 1978 - Алексеев А.А., Лихачева О.П. Супрасльский сборник 1507 года. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. - Л.- С. 54-88.

Алексеев, Лихачева 1987а - Алексеев А.А., Лихачева О.П. К текстологической истории древнеславянского Апокалипсиса. // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР. 1985. - Л.- С. 8-22.

Алексеев, Лихачева 1987б - Алексеев А.А., Лихачева О.П. Библия. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1. XI - первая половина XII века. - Л.- С. 68-83.

Апанович 1985 - Апанович Е.М. Полемические заметки на полях харьковского экземпляра Острожской Библии. // Федоровские чтения 1981. - М.- С.172-179.

Богдашевский 1907 - Богдашевский Д.И. Канон новозаветный. // ПБЭ, 8.- СПб.- Столб. 294-315.

Булич 1893 - Булич С.К. Церковнославянские элементы в современном литерурном и народном русском языке. - СПб.

Варбанец 1980 - Варбанец Н.В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. - М.

Верещагин 1982 - Верещагин Е.М. Доклад к дальнейшему изучению переводческого искусства Кирилла и Мефодия и их последователей. (IX Международный съезд славистов, Киев, 1983). - М.

Владимиров 1985 - Владимиров Л.И. Издания и переводы Библии в идеологической борьбе в великом княжестве Литовском. // Федоровские чтения 1981.- М.- С. 34-48.

Воронцов 1909 - Воронцов Е.А., свящ. Домасоретская и масоретская Библия как манускрипт, в связи с историей древнееврейского письменного дела. Вып. 1. - Сергиев Посад.

Голенищев-Кутузов 1973 - Голенищев-Кутузов И.Н. Славянские литературы.-М.

Горский, Невоструев - [Горский А.В., Невоструев К.И.] Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 1. Священное Писание.- М., 1855.

Горфункель 1985 - Горфункель А.Х. Историко-культурное значение первопечатных Библий. (Острожская Библия в контексте европейской культуры).// Федоровские чтения 1981. - М.- С.66-76.

Евсеев 1905 - Евсеев И.Е. Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе.- М.

Евсеев 1911 - Евсеев И.Е. Рукописное предание славянской Библии. - СПб.

Евсеев 1916 - Евсеев И.Е. Очерки по истории славянского перевода Библии.- Пг.

Елеонский 1902 - Елеонский Ф.Г. По поводу 150-летия Елизаветинской Библии: о новом пересмотре славянского перевода Библии. - СПб.

Запаско 1974 - Запаско Я.П. Мистецька спадщина Івана Федорова. - Львів.

Зёрнова 1947 - Зёрнова А.С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине.- М.

Ильминский 1882 - Ильминский Н.И. Размышления о сравнительном достоинстве в отношении языка разновременных редакций церковнославянского перевода Псалтири и Евангелия. - Казань.

Иннокентий Павлов 1987 - Иннокентий (Павлов), иеромон. Пролог Евангелия от Иоанна (1.1-18) в славянском переводе. К истории философской мысли в славянских землях в IX-XVI веках.// Palaeobulgarica, 4.- P. 3-17.

Иоанн Экзарх. Шестоднев - По изданию: Aitzetmüller R. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Band 1. - Graz, 1958.

Ісаєвич 1972 - Ісаєвич Я.Д. Джерела з історії української культури доби феодалізму. - Київ.

Ісаєвич 1975 - Ісаєвич Я.Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. - Львів.

Исаевич 1981а - Исаевич Я.Д. Новый документ об Иване Федорове.// Федоровские чтения 1978. - М.- С. 5-13.

Исаевич 1981б - Исаевич Я.Д. Преемники первопечатника. - М.

Ісаєвич 1983 - Ісаєвич Я.Д. Першодрукар Іван Федоров і виникнення друкарства на Україні. - 2-е вид., перероблене і доповнене. - Львів.

Киселев 1964 - Киселев Н.П. Наборные украшения в изданиях Ивана Федорова.// Книга: исследования и материалы. Сб. 9. - М.

Клименко 1926 - Клименко П. Графька шрифту Острозько Біблії.// Труди Українського наукового ін-ту книгознавства. Т. 1.

Колосова 1985 - Колосова В.П. Идеологические предпосылки деятельности острожского кружка: Герасим Смотрицкий как редактор-полемист.// Федоровские чтения 1981. - М.- С. 84-90.

Колосова 1987 - Колосова В.П. "Слово на еретики" Козьмы Пресвитера и предисловия к Острожской Библии Ивана Федорова.// Федоровские чтения 1983.- М.- С. 174-180.

Копреева 1985 - Копреева Т.Н. Острожская Библия и новгородский кружок конца XV века.// Федоровские чтения 1981. - М.- С. 96-103.

Корнейчик 1971 - Корнейчик І.І. Історія української бібліографії. - Харків.

Кэстнер 1987 - Кэстнер И. Иоганн Гутенберг. - Львов.

Лебедев 1890 - Лебедев В.К. Славянский перевод книги Иисуса Навина по сохранившимся рукописям и Острожской Библии. - СПб.

Леонид 1893 - Леонид /Кавелин/, архим. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А.С.Уварова. Ч.1. - М.

Мещерский 1956 - Мещерский Н.А. К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода.// Ученые записки Карело-Финского педагогич.ин-та. Т. 2, вып. 1. - Петрозаводск.- С. 198-219.

Михайлов 1900 - Михайлов А.В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. - Варшава.

Михайлов 1912 - Михайлов А.В. Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Ч. 1. Паримийный текст. - Варшава.

Микитась 1961 - Микитась В.Д. Давні книги Закарпатського краєзнавчого музею. - Ужгород.

Мыльников 1985 - Мыльников А.С. Острожская Библия и некоторые аспекты этнокультурного развития славянских народов.// Федоровские чтения 1981. - М.- С. 23-34.

Мицько 1983 - Мицько І.З. Нові сторінки з життя першодрукаря.// Жовтень,11.

Мыцко 1985а - Мыцко И.З. Острожский культурно-просветительный центр.// Федоровские чтения 1981. - М.- С.57-65.

Мицько 1985б - Мицько І.З. Промовляє рукописний збірник.// Жовтень, 2.

Мицько 1987 - Мицько І.З. Чар архівних свідчень.// Жовтень, 3.

Немировский 1974 - Немировский Е.Л. Начало книгопечатания на Украине. Иван Федоров. - М.

Немировский 1975 - Немировский Е.Л. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. - М.

Немировский 1985а - Немировский Е.Л. Иван Федоров. - М.

Немировский 1985б - Немировский Е.Л. Иллюминированный экземпляр Острожской Библии 1581 г. с рукописными дополнениями.// ТОДРЛ, 38. - Л. - С.446-450.

Німчук 1979 - Німчук В.В. Граматика Мелетія Смотрицького - перлина давнього мовознавства.// Мелетій Смотрицький. Граматика. - Київ.

Новый Завет... 1892 - Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Киевского, Московского и всея Руси. Фототипическое издание митрополита Московского Леонтия. - М., 1892.

"Первопечатник Иван Федоров" 1983 - Первопечатник Иван Федоров. Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности. - Львов.

"Першодрукар Іван Федоров" 1975 - Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI - перша половина XVII ст.). Збірник документів. - Київ.

Панькевич 1947 - Панькевич І. Покрайні записи на підкарпатських церковних книгах з додатком 4 монастирських грамот. - Прага.

Пентковский 1988 - Пентковский А.М. Сообщение [Церковные уставы Древней Руси и некоторые проблемы изучения памятников письменности традиционного содержания]. - Круглый стол: 1000-летие христианизации Руси.// Советское славяноведение - № 6. - С. 39-43.

Пихая 1987 - Пихая Р.Г. Приписки конца XVI в. на листах Острожской Библии из собрания Уральского государственного университета.// Федоровские чтения 1982. - М.- С. 21-33.

Пичхадзе 1986 - Пичхадзе А.А. Типология паримийных чтений книги Исход.// Palaeobulgarica, 1. - P. 20-34.

Рождественский 1885 - Рождественский И.А. Книга Есфирь в текстах: еврейском-масоретском, греческом, древнем латинском и славянском. - СПб.

Сергий 1901 - Сергий, архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. Изд. 2-е. - Владимир.

Соболевский [1889], 1980 - Соболевский А.И. История русского литературного языка. Издание подготовил А.А.Алексеев. - Л., 1980.

Талмуд - Талмуд. Мишна и Тосефта. Критический перевод Н.Переферковича. - СПб., 1899-1907.

Толстой 1963 - Толстой Н.И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского языка позднего периода.// Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов, София, 1963. - М.- С.230-272.

"Українська поезія XVI ст." 1987 - Українська поезія XVI ст. - Київ.

Ундольский 1870 - Ундольский В.М. Славяно-русские рукописи В.М.Ундольского. - М.

Успенский 1968 - Успенский Б.А. Архаическая система церковного произношения. - М.

Флоровский 1946 - Флоровский А.В. Чешская Библия в истории русской культуры и письменности. (Фр. Скорина и продолжатели его дела).// Sbornik filologicky, 12.- Praha. - S. 153-253.

Фонкич 1985 - Фонкич Б.Л. Греческие тексты Острожской Библии.// Федоровские чтения 1981. - М.- С. 110-116.

Цеханович 1985 - Цеханович А.А. А.М.Курбский в западнорусском литературном процессе второй половины XVI века.// Книга и ее распространение в России в XVI-XVIII веках. - Л.- С. 14-24.

Шамрай 1985 - Шамрай М.А. Острожская Библия в фондах ЦНБ АН УССР.// Федоровские чтения 1981. - М.- С. 205-208.

Юнгеров 1910 - Юнгеров П.А. Общее историко-критическое введение в священные ветхозаветные книги. 2-е изд. - Казань.

Berger 1893 - Berger S. Histoire de la Vulgate pendant les premiere siècles du Moyen Age. - Paris.

Bolognetto 1938 - Bolognetto A. Epistolae et acta 1581-1585. Ed. A.Kuntze. Pars 2. - Cracoviae.

Concil. Trident. - Sacrosancti et Oecumenici Concilii Tridentini... canones et decreta. - Parisiis, 1848.

Copinger 1897 - Copinger W.A. The Bible and its transmission. - London.

Dobschütz 1908 - Dobschütz E.von. Bible in the Church.// Encyclopaedia of Religion and Ethics. - New York. - Vol. 2. - P. 579-615.

Freidhof 1972 - Freidhof G. Vergleichende sprachliche Studien zur Gennadius-Bibel (1499) und Ostroger Bibel (1580/1581). - Frankfurt a.M.

Gregory (Gregory-Aland) - Указатель греческих новозаветных рукописей К.Р.Грегори см.: Aland K. Arbeiten zur neutestamentlichen Textforschung. Band I/1. Kurzgefasste Liste der griechischen Handschriften des Neuen Testaments. - Berlin, 1963.

Hadžega 1933 - Hadžega J. Die Bedeutung der Ostroger Bibel für die alttestamentlichen deuterokanonischen Bücher.// Biblische Zeitschrift (Freiburg), 21. - S. 153-160.

Kenyon 1897 - Kenyon Fr.G. Our Bible and the Ancient Manuscripts. F History of the Text and its Translations. - London.

Kenyon 1912 - Kenyon Fr.G. Handbook to the textual criticism of the New Testament. 2-d ed. - London.

Kwilecka 1979 - Kwilecka J. Średniowieczna Biblia francuska a najstarsze zachodnioslowiańskie przeklady biblijne.// Studia z fololog ii polskiej i slowiańskiej, 18. - Warszawa. - S. 209-232.

Kyas, Šarapatkova 1971 - Kyas V., Šarapatrova Ž. Přehled starozákonnich lekcí staroslovenskeho parimejníku.// Palaeoslovenica. - Praha. - S.95-108.

Mathiesen 1981 - Mathiesen R. The Making of Ostrih (Ostrog) Bible.// Harvard Library Bulletin. - Vol. 29, No. 1.

Mathiesen 1983 - Mathiesen R. Handlist of Manuscripts containing Church Slavonic Translations from the Old Testament.// Palata knigopishaya, 7. - P. 3-48.

Metzger 1972 - Metzger B.M. Greek Lectionaries and a Critical Edition of the Greek New Testament.// Die alten Übersetzengen des Neuen Testaments, die Kirchenväterzitate und Lektionare. Hrsg. K.Aland. - Berlin - New York.- S. 479-497.

Metzger 1981 - Menzger B.M. Manuscripts of the Greek Bible. An introduction to Paleography. - New York. - Oxford.

Miller 1978 - Miller D.B. The Lübeckers Bartholomäus Ghotan and Nicolaus Bülow in Novgorod and Moscow and Problem of Early Western Influences on Russian Culture.// Viator. Medieval and Renaissance Studies, 9. - P. 395-412.

Moszyńsky 1985 - Moszyńsky L. Zografskie i Mariańskie tetraewangelia jako księge lityrgiczne część I: etap głagolski.// Palata knigopisnaya, 14-15.- P. 76-99.

Nestle-Aland - Nestle-Aland: Novum Testamentum Graece. Textum Graecum post Eberhard Nestle et Erwin Nestle communiter ediderunt Kurt Aland, Matthew Black, Carlo M.Martini, Bruce M. Metzger, Allen Wikgren. - Stuttgart, 1979 (26-е критическое издание греческого текста Нового Завета).

Olmsted, Taube 1987 - Olmsted H., Taube M. "Povest' o Esfiri": the Ostroh Bible and Maksim Grek's Translation of the Book of Esther.// Harvard Ukranian Studies, 1-2.

Partet 1966 - Partet O. Überlieferung der Bibel.- Stuttgart.

Ralfs - Ralfs A. Verzeichnis der griechishen Handschriften des Alten Testaments, für Septuaginta-Unternehmen.- Berlin, 1914.

Theiner 1856 - Theiner A. Annales ecclesiastice. T.3.

Witkowski 1974 - Witkowski W. [Рец. на Freidhof 1972] // Slavia orientalis, 2.- S. 273-276.

Zwoliński 1963 - Zwoliński P. Psalmów kolka słowieńskich i ich pierwowzór.// Slavia orientalis, 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН	- Библиотека Академии наук СССР, Ленинград.
ГБ	- Геннадиевская Библия, 1499 г. - ГИМ, Синодальное собр., № 915.
ГБЛ	- Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина, Москва.
ГИМ	- Государственный Исторический музей, Москва.
ГПБ	- Государственная Публичная библиотека им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, Ленинград.
НЗП	- Новый Завет с Псалтирью. - Острог,1580.
ОБ	- Острожская Библия, 1580-1581 гг.
ПДПИ	- Памятники древней письменности и искусства.
ССб	- Супрасльский сборник, 1502-1507 гг. - БАН,24.4.28.
ТОДРЛ	- Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.
ЦГАДА	- Центральный государственный архив древних актов, Москва.
ЦНБ АН УССР	- Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР, Киев.
ЧНЗ	- Чудовский Новый Завет, ок. 1355 г.
LXX	- Септуагинта.
MMFH	- Magnae Moraviae fontes historici. Brno, 1967-1973.
PG	- Migne J.-P.: Patrologiae cursus completus, series Graeca.

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Д. Исаевич. История издания Острожской Библии 3

Игумен Иннокентий (Павлов). Славянская традиция Священного Писания и Острожская Библия 17

А. А. Алексеев. Место Острожской Библии в истории славянского текста Священного Писания 48

А. М. Пентковский. Лекционарные таблицы русских библейских кодексов 74

Указатель литературы 81

Список сокращений 86